

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

ТАНЯ Х.

СКАЗОЧНАЯ ТАЙГА

12+

Таня Х.

Сказочная тайга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66015334

SelfPub; 2021

Аннотация

Советские ученые в тайге сталкиваются с враждебными элементами в лице шпионов, которые пробудили древнее зло. На нашей стороне только вера в победу коммунизма и нравственная чистота. Так победим.

Этот текст является пародией на соцреалистическую литературу и НЕ преследует целью очернение советской эпохи.

Содержание

Кафедра	4
Экспедиция	10
Ленинградцы	18
Трофей	27
Сомнения	37
Шпионы	47
Разоблачение	57
Чудовище	71
За мужество	80

Таня Х.

Сказочная тайга

Кафедра

Аудитория при кафедре орнитологии сегодня пустовала, и потому Вале было немного грустно смотреть на родные стены без толпы студентов, мечтающих внести свое имя в историю советской зоологической науки, без их задорного смеха и горящих глаз. Сессия закончилась, а значит, совсем скоро – горячая пора производственной практики. Валя, как лаборант кафедры, отвечала за подготовку к экспедиции и с нетерпением ждала профессора Доценко с партсобрания. Это был ее главный кумир, если не считать академика Павлова и Владимира Ильича Ленина. Но те уже давно умерли, а Артемий Михайлович жив, живет и продвигает родную орнитологию вперед, к победе коммунизма в отдельно взятой области науки. Так он, по крайней мере, говорил, и Валя ему верила. Но помимо слов были и дела! Это Артемий Михайлович первым из советских ученых описал лысую трясогузку и ленского выползня – птиц, которых не мог изловить и изучить никто из его предшественников. Потому что только он заходил в тайгу так глубоко, чтобы найти их компактный ареал обитания. При одной мысли об Артемии Михайловиче

сердце Вали трепетало, она закрывала глаза и представляла его образ – высокий, с седеющей бородой и продолговатым лысеющим черепом, выдающим недюжинный ум, с его тонкими нервными пальцами и быстро краснеющей на солнце кожей – он был воплощением ее идеала ученого и человека.

Хлопнула дверь аудитории, Валя обернулась и увидела Артемия Михайловича во плоти. На нем была голубая рубашка с коротким рукавом, так идущая к его гиацинтовым глазам, и брюки, – пожалуй, чересчур узкие для профессора. Но Валя считала, что такой выдающийся человек как Доценко может себе это позволить. Для своих лет он был молод душой, в его глазах часто загорались задорные огоньки, и даже морщины у глаз его не портили.

– Валя, что ты тут делаешь? Все студенты пошли в клуб на танцы.

– А я ждала вас, Артемий Михайлович. Я приготовила вам чаю. И вот еще, – Валя протянула ему список студентов, задействованных на практике, и перечень оборудования.

– Валя, ты такая умница, – Артемий Михайлович улыбнулся и положил руку ей на плечо. От этого прикосновения по ее телу пошли теплые волны. – Если бы я был моложе, обязательно бы на тебе женился.

– Артемий Михайлович, вы совсем не старый! – Валя с нескрываемым обожанием глядела в эти мудрые глаза.

– Для тебя, Валюша, старый, – горестно вздохнул профессор и опустил взор, словно стеснялся влюбленного взгляда

студентки. – А вот тебе уже замуж пора! Шутка ли? Двадцать два года завтра исполняется!

– О, Артемий Михайлович, вы помните! – с восторгом воскликнула Валя.

Конечно, помню. Ты же моя любимица! Как ты тогда препарировала пискульку на глазах у комиссии из Москвы! Как им все преподнесла! Любо-дорого! – Доценко покачал головой и широко улыбнулся. – Я горжусь тобой, Валюша! С тобой наша кафедра пойдет далеко вперед!

На глазах у Вали выступили слезы счастья. Она бросилась к Доценко и порывисто обняла.

– Артемий Михайлович! Я так боюсь вас подвести! Так хочу вас порадовать! Всегда радовать, как тогда!

– Валюша, ну, что ты? Нас могут не так понять, – Доценко отстранился и потоптался на месте. – У меня для тебя подарок. Я завтра уезжаю в тайгу, потому дарю сегодня.

– Ох, Артемий Михайлович, заранее же не дарят! – ойкнула Валя. Она, хоть и комсомолка, верила в приметы. И ей за это было стыдно.

– А я твой подарок в свой стол положил и ключом запер, – профессор хитро подмигнул и раскрыл ладонь, на которой лежал латунный ключ от ящика стола. – Ты завтра, когда оборудование будешь грузить, загляни туда.

– Артемий Михайлович, не стоило! – Валя зарделась.

– Стоило, Валюша! Ты сокровище! И редкость, как красношейная поганка!

От такого сравнения Валя залилась краской. Этих птиц в Сибири осталось не больше пары сотен.

Доценко, кивнув ей на прощание, забрал свой потертый портфель с кафедры и вышел за дверь. На столе остался ключ от ящика стола и манил воспользоваться им сейчас. Но комсомолки не должны быть нетерпеливыми. И потому Валя взяла себя в руки и направилась в лабораторию, где уже работали Вадик и Сеня, им надо было помочь сложить оборудование в ящики. Они, конечно, будут ее прогонять, говорить, что не девичье это дело. Но Валя знала, что нет такой силы, которая заставила бы ее предпочесть танцы в клубе сборам в экспедицию. К тому же, парням нужна была ее твердая рука и наставление. Они оба не вызывали у нее доверия как лаборанты.

Когда Валя увидела, как ребята сложили весы, микроскопы и инструменты в ящики, она просто руками всплеснула. Все было не по инструкции! Пришлось все переделывать, соблюдая технические условия транспортировки для каждого прибора. Ребята, конечно, ворчали, но в итоге Вале удалось переломить их желание пойти на танцы: она убедила их всё сделать по правилам. Когда уже остались самые мелочи, она, видя их грустные глаза, сжалилась:

– Ладно, идите.

– Валя, ты человечеще! – воскликнул Вадик и поцеловал ее в щеку. – Мы ведь еще успеваем в шахматный кружок. Сегодня турнир Советского района!

Молчаливый Сеня кивнул, вынул из-под папки с бумагами набор шахмат и встряхнул. Этот звук предстоящей игры радовал его почти как мелодия советского гимна. Провожая их взглядами, Валя подумала: «И как я могла решить, что они на танцы пойдут? Там, поди, уже и иностранную музыку под вечер включают! А вот шахматный кружок – как раз по таким хорошим парням, как Сеня и Вадик».

Валя сложила в коробку канцтовары, нужные для экспедиционной лаборатории, и присела на стул. Латунный ключ лежал в нагрудном кармане ее блузки, том, что ближе к сердцу. Она думала о Доценко и его подарке. И тут ей пришла в голову мысль, что завтра она в спешке может забыть о нем. Или, что тоже весьма вероятно, ей будет неловко заглядывать в ящик стола заведующего кафедрой на глазах у лаборантов и студентов. И она решилась. Подошла к заветному столу, на его темной полированной крышке были видны царапины от скрепок скоросшивателей и белесый кружок в том месте, где профессор всегда ставил чай. Валя обвела это место пальцем, будто прикоснулась к нему самому. Ключ в кармане словно шевелился от ее быстрого ритмичного дыхания, она взяла его в разом вспотевшую ладонь и чуть не выронила. Здесь было два запертых ящика. Валя попробовала верхний, но он не поддался. Неужели Доценко держит у себя два ключа от ящиков одного стола? Это странно. На нижнем ящике были заметны следы ключа, который часто вставляли в скважину. На верхнем таких следов почти не было.

Может, он просто не открывается, застрял? Валя провернула ключ во втором ящике, и тот поддался. Внутри лежала маленькая зеленая коробочка. Сердце Вали екнуло. Она схватила подарок в руки и принялась рассматривать. Это были духи «Ландыш серебристый». На коробочке был нарисован этот нежный цветок. Такой же нежный, как ее любовь к Артемию Михайловичу. И запах лесной, тонкий, напоминающий об экспедициях, нехоженных тропках болот, о солнце, утонувшем в затоне.

Валя вдыхала этот аромат и просто млела от удовольствия. Она даже не заметила, как пролетело время. На кафедру зашла вахтер тетя Зина и сказала, что запирает двери института. Валя вздохнула, вернулась к ящику стола и хотела его задвинуть, но это оказалось не так-то просто. Она сунула туда руку и вытащила застрявший между двумя ящиками листок. На нем были в столбик напечатаны номера и даты. Даты были прошлогодние – 23, 24, 25 июля. Как раз самый разгар летней экспедиции в тайгу. Номера ей были непонятны. В их кодах кольцевания птиц использовались совсем другие аббревиатуры. Странно все это. Валя положила лист обратно в ящик и закрыла его на ключ.

Выходя из института, Валя прижимала к сердцу коробочку с духами. Все в ней трепетало от предстоящей поездки в тайгу и совместной работы с Артемием Михайловичем.

Экспедиция

Старый перегруженный уазик долго трясся по таежным дорогам, все дальше увозя Валю из города в глухую тайгу. Там вот уже двадцать лет работала летняя научная станция, которую делили ученые нескольких НИИ и крупных вузов со всего СССР. Впервые Валя побывала там в позапрошлом году, когда поехала в экспедицию по личному настоянию профессора Доценко. Обычно такой чести удостаивались только студенты старших курсов, аспиранты и лаборанты. Но Артемий Михайлович уже тогда разглядел в Вале ту, что будет от зари до зари, несмотря на жару и гнус, обходить птичьи ловушки, регистрировать окольцованных птиц, а еще стирать, убирать и готовить на всех ученых кафедры орнитологии. Валя гордилась тем, что была полезна коллективу и могла с легкостью заменить любого лаборанта на любом участке работы, знала назубок коды кольцевания и не чуралась препарировать птиц, даже если они пролежали в силках несколько дней. Она не боялась черной работы и была настоящим боевым товарищем. Так про нее всегда говорил профессор Доценко, и от такой характеристики ей хотелось работать еще больше, заходить в тайгу еще дальше, вникать в свое дело еще глубже. Праздная жизнь была не по ней. Ее папа был стахановцем, получившим множество наград за рекорды по выплавке стали. Он погиб в цеху, когда раскаленный металл

внезапно вырвался из чана и залил огненной лавой место, где самоотверженно трудился Петр Образцов. Сталевар буквально сторел на работе. И Валя уже тогда, в свои 10 лет, знала, что именно так и должны умирать советские люди – в трудовом подвиге, давая стране угля, достигая границ стратосферы, пересекая экватор на подводной лодке, в космосе, в шахте, в тайге – везде, куда позовет Родина.

Когда узик, наконец, остановился, Валя, едва держась на ногах, вышла у ворот научной станции. Ее мутило от тряски. Она отбежала в кусты, и ее стошнило.

Вновь прибывших встретили лаборанты Новосибирского геологического института, они здесь жили уже с весны. Парни помогли Сене и Вадику снять привязанные к крыше ящики с оборудованием. А две девушки, вышедшие с ними, курили и приветственно улыбались парням. На них обеих были шорты, слишком короткие для комсомолок, и мужские рубашки, завязанные узлом под грудью. Валя оглядела их критическим взглядом, они ответили ей тем же.

– Тебя чего тошнит? Укачало по дороге? Или ты уже с груженым багажником к нам приехала? – засмеялась одна.

– Ага, люди из экспедиции привозят сюрприз, а она уже с ним сюда приезжает, – подхватила вторая, выпуская сигаретный дым изо рта.

– Смотри, не успеешь в поликлинику в срок, придется пеленки покупать, – сказала первая и снова рассмеялась, увидев непонимание в глазах Вали.

– Что вы такое говорите? Да как вы... – Валя подхватила рюкзак и побежала внутрь станции. Ее щеки пылали, а в глазах стояли злые слезы. У нее не было подруг в институте, и теперь, очевидно, в экспедиции ей тоже придется обходиться компанией Сени, Вадика и профессора Доценко. И она была этому рада. Валя не понимала, почему почти все встреченные ею лаборанты, аспиранты и младшие научные сотрудники – женщины принимали ее в штыки. Неужели только потому, что она не юлит, всегда говорит правду и не старается облегчить себе жизнь? Или потому, что не допускает никаких вольностей в своей жизни и прямо указывает на недопустимость подобного поведения? Ну, где это видано – позволять парню себя целовать на первом свидании? Или уж тем более идти дальше этого до свадьбы? Валя искренне не понимала таких женщин! И не понимала, как такое в голову может прийти комсомолке и, тем более, ученому? Валя твердо знала, что никогда не допустит в своем кругу никакого непотребства, и, как старший лаборант кафедры, зорко следила за своими подопечными. К счастью, Сеня и Вадик никогда не были замечены ни в чем предосудительном. Никаких девушек, никакого праздного поведения. Они вместе жили в доме аспиранта и студента, вместе ходили в шахматный кружок и каникулы проводили в стенах общежития, словно не хотели покидать родной институт даже ненадолго. Вот это настоящая дружба и преданность делу!

Валя прошла к главному корпусу станции, на крыльце сто-

ял профессор Доценко и радостно потирал руки при ее появлении. У него была такая привычка, когда он был в приподнятом настроении. Уголки его глаз горели озорными звездочками, плечи то и дело возбужденно подергивались, как у мальчишки, впервые поймавшего на удочку леща. Профессор был азартен азартом ученого.

– А сегодня день пискульки, Валюша! – радостно сообщил он.

– И что же, кто выиграл? – спросила она.

– Пока никто! Студенты в этом году совсем ничего не умеют, а сейчас берега реки размыло, и никто не решился заглянуть в самые дальние ловушки! Всему учить приходится!

– Артемий Михайлович, я беру это на себя! И пискульку вам принесу, и этих оболтусов под крыло возьму! – восторженно пообещала Валя.

– Вот и славно, Валюша! А то я сейчас своим проектом занят, не до молодняка мне.

– А что за проект, Артемий Михайлович?

– А это, Валя, секрет! – серьезно сказал профессор. – Ты пока проходи, располагайся, тебе в третьем домике место оставлено. А потом вперед, на охоту за пискулкой!

Артемий Михайлович подмигнул ей, снова радостно потер руки и зашел в лабораторию, а Валя направилась в третий корпус. Оказалось, что ее поселили как раз с теми девицами, что встретили ее у ворот. Неприятная компания! Но что поделать, если в нынешние времена так трудно найти по-

рядочных комсомолок, честных, открытых сердцем, готовых к труду и подвигам? Только воспитывать тех, кто пока не дотягивает до этого стандарта.

Положив рюкзак на свободную койку, она достала оттуда флакон духов «Ландыш серебристый» и брызнула на себя. Оказавшись в облаке аромата и закрыв глаза, Валя не заметила, как в комнату вернулись соседки.

– О боже, что за вонь! – воскликнула одна из девиц, злобно уставившись на Валью.

– Это подарок! – с обидой сказала та.

– Оно и видно. Себе бы такое никто не купил, – заметила вторая и упала спиной на койку. И это в разгар рабочего дня!

– Девушки, почему вы такие злые?! – не выдержала Валя и выбежала на улицу. Только отбежав несколько шагов, она поняла, что до сих пор сжимает в руке флакон с духами. Валя прижала его к губам, а потом положила в карман ветровки. Она не захотела возвращаться, лучше потратить время на обход ловушек, чем на ссоры.

Профессор Доценко каждое лето устраивал для студентов и аспирантов соцсоревнование – по утрам он вешал на информационный стенд лаборатории фотографию птицы, которая обитала в здешних местах. Студент, принесший ее в лабораторию первым, получал балл, а по итогам экспедиции выявлялся лучший охотник. Ребята воспринимали это как захватывающую игру, они носились по окрестным лесам и берегам рек в поисках поползней, выпей или кукушек. Но се-

годня было действительно сложное задание – пискулька была водоплавающей птицей, причем осторожной, и редко попадалась в силки.

Валя пошла по местам, которые уже неплохо изучила в прошлые годы, и вскоре нашла несколько ловушек, уже осмотренных. В некоторых были птицы, только не пискульки, а поганки и другие водоплавающие. Большинство было мертво. Ну что за варварство! Соревнование, конечно, важно, но ведь нельзя оставлять птиц в ловушках, пусть даже Доценко не начислит за это баллы, все равно нужно нести их в лабораторию, взвешивать, осматривать, окольцовывать. Но не всем была близка дисциплина, многие студенты воспринимали практику в таежной лаборатории как повинность или как летний досуг. И это всегда возмущало Валу. Разве это будущие советские ученые?!

Пройдя все ей известные по прошлым годам места с ловушками, Валя нашла пискульку. Она была уже мертва, запуталась в сетях и задохнулась. Такое часто бывает. Сначала Валя при виде такого зрелища плакала, но потом привыкла и поняла, что без жертв науки не бывает. Тем более ей, будущему советскому ученому, негоже бояться замарать руки. Нужно жертвовать всем ради прогресса и построения коммунизма, Валя в этом была абсолютно уверена.

Обратно на станцию Валя возвращалась с большим грузом – она несла заветную пискульку и еще нескольких птиц, которых оставили в ловушках нерадивые охотники. По до-

роге никто из них ей не попался. Непонятно, куда они ушли и не прохлаждаются ли они на какой-нибудь полянке вместо того, чтобы нести трудовую вахту. Валя решила обязательно поднять этот вопрос на ближайшем комсомольском собрании.

Вечером после ужина все жители научной станции собрались у большого костра – это была давняя традиция. Там проходила переключка – все ли вернулись из тайги, научные руководители проводили планерки, хвалили, ругали, раздавали задания на следующий день. И обязательно в конце таких собраний были песни под гитару. Сеня и Вадик принесли много хороших дров, и костер в этот вечер был особенно дружный. Валя увидела, что из их института приехали только четверокурсники – совсем новички, и она высказала им все про оставленных в силках птиц. Ребята были сконфужены, профессор Доценко качал головой и грозил им пальцем. Неприятно, конечно, оказаться на их месте, но они это заслужили. И, чтобы подбодрить студентов и не заканчивать вечер на неприятной ноте, Валя первой затянула «Изгиб гитары желтой» – ее любимую походную песню. Ребята сразу подхватили, Вадик вытащил откуда-то из темноты гитару, и по ночному лесу потекли звуки этой прекрасной песни. Валя пела и думала о своем. И каждая строчка ей говорила о ее любви и ее мечте:

*Изгиб гитары желтой ты обнимаешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь.*

Качнется купол неба, большой и звездно-снежный.

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Валя смотрела на профессора Доценко и мечтала, что он ее нежно обнимает, как Олег Митяев обнимает свою желтую гитару на Грушинском фестивале.

Как отблеск от заката костер меж сосен пляшет.

Ты что грустишь, бродяга? А ну-ка, улыбнись!

И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет:

«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»

На этих строчках Валя всегда представляла профессора Доценко в его камуфляжной форме, болотных сапогах и красной, как флаг СССР, косынке на голове, которую он лихо завязывал на затылке и становился похож на капитана Блада из ее любимых приключенческих романов, которые она читала и перечитывала в детстве. Она вспомнила, как был счастлив профессор, когда она все-таки принесла ему в лабораторию пискульку, как он ее порывисто обнял, и, если бы между ними не было мертвой птицы, это объятие было бы по-настоящему близким.

Когда песня закончилась, кто-то затянул другую, и так они просидели у костра почти до глубокой ночи. Придя в свой корпус, Валя без сил упала на кровать и даже не заметила, что потеряла в этот день что-то важное.

Ленинградцы

Утром, едва проснувшись, Валя услышала шум мотора. Она выглянула наружу и поняла, что на станцию кто-то приехал. Обычно все машины оставляли за воротами, было странно видеть огромный внедорожник, к тому же заграничный, в сердце советской научной станции.

Валя встала, оделась и вышла на улицу. Ее соседки все еще спали, хотя было уже семь утра. Взяв зубной порошок и щетку, она пошла к умывальникам, глядя на прибывших незнакомцев. Им помогали разгружаться геологи. Из дверей лаборатории вышел профессор Доценко, и Вале стало стыдно, что он проснулся раньше нее и уже приступил к работе. Она махнула ему рукой, но он не заметил. Артемий Михайлович радушно приветствовал прибывших. Ими оказался высокий седовласый мужчина с птичьим лицом и худая блондинка в ярких желтых штанах, было в ее облике что-то вызывающее. Валя наблюдала, как они обмениваются репликами с профессором Доценко, и что-то в происходящем ей не нравилось. Может, то, как этот чужак по-отечески хлопнул Артемия Михайловича по плечу, или как эта девица в штанах, похожих на два спелых банана, стоит и нагло улыбается ему. Внутри Вали зрело возмущение – как эти чужаки и выскочки могут так обращаться с самим Доценко, с ее профессором? Она яростно чистила зубы, сплевывала в ру-

комойник и продолжала смотреть на приезжих. Вскоре Доценко широким жестом предложил им пройти в лабораторию, а ребята с кафедры геологии продолжали таскать ящики, которые были внутри внедорожника. «Вот ведь короли какие, сами даже рюкзака не выгрузили», – подумала Валя. Она вернулась в свою комнату и попыталась разбудить соседок, те только ворчали. Она причесалась, переплела косу, накинула ветровку и вышла на улицу. День начинался просто превосходный, словно сошедший с полотен Ивана Шишкина – грудастые облака плыли по густо-синим небесам, верхушки вековых сосен покачивались на ветру, словно передавали друг другу послание о том, что все в мире благополучно. Но у Вали на душе было беспокойно. Она направилась к лаборатории, на информационном стенде висела вчерашняя фотография пiskuльки. Валя дернула ручку, было заперто. Она подергала, постучала. Спустя пару минут из двери высунулся профессор Доценко.

– Тебе чего, Валя?

– Здравствуйте, Артемий Михайлович! – Валя лучезарно улыбнулась и попыталась войти, но путь ей преградили.

– У тебя что, задания нет, Образцова? – неожиданно сурово спросил Доценко, прикрывая дверь и оставляя в проходе только свою худую шею.

– Но ведь новой птицы нет на стенде... – оробела Валя, не ожидавшая такой отповеди.

– Все там есть. Какая птица висит, на ту и объявлена охо-

та. Все, уходи, и другим скажи, что я занят с гостями из Ленинграда.

– А что это за гости?

Но Доценко даже не стал ей отвечать, просто закрыл дверь перед ее лицом. От такой несправедливости у Вали навернулись слезы. Как же так? Чем она такое заслужила?!

В этот момент она увидела идущих к корпусу лаборатории Сеню и Вадика.

– Пискульку сегодня ищем, – сообщила она.

– Опять? – спросил Вадик.

– У тебя задания нет, Володин? – Валя уперла руки в боки и с прищуром посмотрела на младших лаборантов. Тех как ветром сдуло.

Валя видела, как они плечом к плечу идут по направлению к выходу со станции, и вздохнула почти с завистью при виде их такой честной и крепкой дружбы. Почему же у нее здесь нет друзей? Ей хотелось, чтобы кто-то поддержал ее сейчас и утешил. Она сунула руку в карман, где вчера лежал флакон подаренных профессором духов. Но их там не оказалось. Валя два раза посмотрела во всех карманах – пусто. Мимо прошли ее соседки – насмешницы Таня и Лиза – и, увидев ее отчаянные поиски, поинтересовались:

– Что потеряла, Образцова? Невинность свою? Ну, так мы не брали.

Обе покатались со смеху.

– Это вы духи украли! – выпалила Валя и пошла на них.

– Какие духи? «Ландыш», что ли? Совсем уже с ума сошла! – Таня покрутила пальцем у виска. – Да такая дрянь даром никому не нужна.

– Вы мерзкие! Я скажу комсоргу, что вы режим дня нарушаете!

Они опять рассмеялись и направились к умывальнику, оставив Валю стоять рядом с крыльцом лаборатории. День перестал казаться красивым. Облака превратились в рваные тучи, а небо было мерзкого синего цвета, как стены в тубдиспансере.

Валя взяла мешки для птиц и направилась в тайгу. По дороге она размышляла, что это за гости приехали из Ленинграда. Раньше она их тут не встречала. Конечно, в Ленинграде было много НИИ и ученых с мировым именем. Но чтобы с ними был настолько любезен Доценко, они должны быть по меньшей мере Лауреатами Государственных Премий и Героями труда. Ни один из них внешне их и отдаленно не напоминал. Девица так и вовсе выглядела профурсеткой. Так бабушка звала всех, кто одевается и ведет себя неподобающе. И этот профессор, слишком уж холеный для зоолога. Словно никогда не покидает своего института. А ведь сам Доценко говорил, что нельзя стать настоящим ученым, если не стопчешь десять пар сапогов в экспедициях.

Весь день Валя протаскалась по птичьим ловушкам, но пискулька ей так и не встретилась. Она собрала остальных

птиц и вернулась на станцию. День клонился к вечеру. Постучав в лабораторию, она услышала женский смех. Дверь долго не открывали, а потом оттуда высунулся профессор Доценко, от него пахло спиртным.

– Тебе чего?

– Птиц принесла.

– Если живые – неси в отстойник, если мертвые – утилизируй. Сегодня вскрытия делать не будем, – быстро сказал Доценко и захлопнул дверь. Валя простояла еще пару минут на пороге, пытаюсь прийти в себя, круто развернулась и сошла с крыльца. Навстречу ей шли Сеня и Вадик. Они несли два мешка с птицами, судя по виду,дохлыми.

– Сегодня в лаборатории работать не будем. Поэтому утилизируем всё, – бесцветным голосом сказала Валя, вручила им свои таежные находки и пошла в свой домик. Там она бросилась на кровать и разрыдалась. Как он мог так поступить с ней? Еще пару дней назад дарил такие трогательные подарки, называл сокровищем, а сейчас даже на порог не пускает? Как это понимать? Что она сделала не так?

От этих мрачных мыслей ее отвлекли вернувшиеся соседки.

– Фу, от кого так дохлыми кошками пахнет? – скривилась Таня.

– Не кошками, а птицами, – поправила Лиза и уперла руки в боки. – Образцова, ты вообще в курсе, что не одна тут живешь? Душ работает, а весной геологи-омичи и баню по-

строили. Сходи, помойся. Твой «Ландыш» уже был перебором.

– Это вы духи украли! – снова выпалила Валя и вскочила с кровати.

– Сумасшедшая, – засмеялась Таня и завалилась с ногами на кровать. Валя решила не связываться и пойти в душ. Она собрала грязную одежду, сложила в мешок вместе с полотенцем и вышла на улицу. Вечерело, стояли длинные летние дни – лучшее время для таежных экспедиций. Грустно, что эти золотые деньки проходили впустую, ведь Доценко был занят со своими гостями, а значит, все его подопечные, включая Валу, сидели без настоящего дела и лишь выполняли рутинные поручения. Не об этом мечтают настоящие советские ученые.

Выйдя из душа, Валя услышала веселый смех со стороны новенькой срубовой бани, построенной совсем рядом. Она прислушалась и поняла, что слышит и мужские, и женские голоса. Что за бесстыдство! Валя была возмущена и хотела тут же бежать к комсоргу, чтобы доложить о непотребстве, но тут вдруг уловила в мужском голосе знакомые интонации, и ее поразила догадка: Доценко повел своих ленинградских гостей в баню! И они там купаются все втроем! Что же это такое? Где это видано, чтобы одна женщина с двумя мужчинами мылась в бане? И это не в темные царские времена, а в Советском Союзе! Чем же они так опоили Доценко, что он пошел на это? Не рижским же бальзамом!

Валя так и стояла перед баней в сумерках, пока из нее не выбежала в одном полотенце Инесса, вся красная и потная.

– Ну и жаркий же вы мужчина, Артемий Михайлович! – выпалила она, отдыхиваясь. От ее стройного разгоряченного тела шел пар. Валя, не мигая, смотрела на нее, а потом повернулась, бросила свои банные принадлежности у раковины и молча пошла к сторожке. Там жил сторож Михалыч, и у него, она знала, было ружье. Зайдя к нему, она не обнаружила хозяина, зато нашла висящий на стене, на ковре с оленями, карабин. Валя сняла его с гвоздика, поискала глазами патроны и увидела их в картонной коробке на подоконнике. Это была дробь, но ей бы сейчас сгодились что угодно. Лучше бы, конечно, что-то смертоносное. Видеть эту мерзкую женщину, слышать ее голос и фальшивый смех Валя больше не хотела. В голове была только одна мысль – надо избавиться от пришлой заразы это чистое таежное пристанище советской науки.

Хорошо, что покойный отец научил ее заряжать ружье, он готовил ее к жизни партизанки. Недаром в их комнате на видном месте висел портрет Зои Космодемьянской. Валя вышла из сторожки и как таран направилась к бане, держа ружье взведенным.

– Валя! – испуганно выкрикнул Вадик, они с другом в это время выходили из душа, были мокрые и разгоряченные, хотя там вечно не было горячей воды. Сеня замешкался, испуганно глядя на нее, а Вадик бросился и выхватил ружье.

– Отдай, – каким-то не своим голосом сказала Валя.

– Что ты задумала? – сипло спросил Вадик, а Сеня не сводил глаз с ружья в его руках.

– Не твое дело!

– Валя, не стоит оно того, – вдруг пронизательно сказал Вадик и обнял ее по-братски одной рукой, крепко держа другой ружье дулом в небо. Неожиданно для себя Валя разрыдалась на его плече. Сеня подошел, осторожно взял оружие из рук друга и молча отнес его обратно в сторожку. В его семенящей походке была какая-то неловкость, словно он потянул спину или просто сильно нервничал, держа в руках оружие. Валя смотрела на него одним глазом, прислонившись к плечу Вадика и понимая, что сейчас чуть не совершила самую большую ошибку в своей жизни. Комсомолки не занимаются самосудом. Они подают сигнал куда следует. Все-таки сейчас не военное время, чтобы от враждебных элементов избавляться так радикально. Валя в красках представила товарищеский суд над этой Инессой, которой поставят на вид ее аморальное поведение. С другой стороны, Доценко ведь тоже будут там разбирать. Валя вздохнула, по лицу катились слезы. Пожалуй, впервые в жизни она не знала, как правильно поступить.

Вскоре из бани вышел Доценко, а за ним и гости из Ленинграда. Они, весело переговариваясь, направились к домику профессора. Тот даже не заметил, как Валя стоит и обнимается с Вадиком у всех на глазах. Неужели ему все равно?

Неужели советский мужчина может так легко поменять одну сердечную привязанность на другую? Или Вале просто казалось, что Доценко тоже ее любит? Но ведь «Ландыш серебристый» не дарят всем подряд! Этот цветок занесен в Красную книгу, а значит, Доценко намекал, что Валя для него действительно очень ценный экземпляр человека.

Ребята усадили ее к костру, к которому постепенно стали подтягиваться другие студенты и аспиранты. По кругу пошел термос с крепким чаем, Вадик взял в руки гитару, и они все вместе затянули «Изгиб гитары желтой». Валя стала хрипло подпевать, утирая рукавом слезы, но вскоре втянулась, и только мысль о том, что Доценко так и не вышел к костру, мешала ей успокоиться. Сеня и Вадик проводили ее до домика, видимо, опасаясь, что она вновь пойдет за ружьем. По дороге она бросила взгляд на баню – там было уже темно и тихо. Зато в домике Доценко горел свет, оттуда слышались звуки музыки, причем иностранной, не советской. Это снова больно резануло Валу по сердцу – она не могла поверить, что ее любимый Артемий Михайлович может так быстро забыть идеалы строителя коммунизма и прельститься всей этой похабщиной.

Трофей

Наутро Валя чувствовала себя разбитой, во сне ей виделись мертвые птицы и Доценко в одних трусах, попавшийся в птичью ловушку. Она вышла на улицу, стараясь не разбудить соседок – общаться с ними у нее не было никакого желания. У входа в лабораторию она встретила Артемия Михайловича. У него был сумрачный, недовольные вид.

– Образцова, почему опаздываем? Семь пятнадцать на часах, – сухо сказал он, но смотрел куда-то мимо. Словно ему было неловко.

– Извините, Артемий Михайлович, – глухо отозвалась Валя, рассматривая его лицо с ввалившимися от недосыпа глазами, что сразу прибавляло ему лет.

– Сегодня будем сибирских зябликов собирать. И кольцевать. Нужно все силы на это бросить в ближайшие дни. У них как раз сейчас сезон активного гнездования, – сказал Доценко и повесил на дверь потрепанное фото этой птицы. – До обеда ты обходишь ловушки, а потом будешь мне в лаборатории помогать.

– Хорошо, – кивнула Валя, воодушевившись тем, что они вместе будут работать сегодня.

– Надо не ударить в грязь лицом перед коллегами из Ленинграда. Профессор Гершензон и Инесса будут присут-

ствовать.

От этих слов вся Валя радость улетучилась. В голосе Доценко ей послышалось возбуждение и предвкушение, и они явно не относились к их совместной работе в лаборатории. Неужели он смог так быстро забыть их разговор на кафедре? Свой подарок? Неужели эта вертихвостка, эта облезлая трясогузка смогла так вскружить ее любимому профессору голову?

Еле сдерживая слезы, Валя бросилась к выходу со станции. Навстречу ей шли аспиранты и студенты, она их тут же отчитала за опоздание и передала им указания Доценко. Сеня и Вадик предложили ей пойти с ними в тайгу, но она отказалась. Ей хотелось побыть в одиночестве. К тому же, было видно, что предложение Вадика пойти с ними Сеня не оценил. Он вообще предпочитал общаться только с Вадиком, у него и в институте других товарищей больше не было. Они как познакомились на первом курсе в шахматном кружке, так и не расставались, вместе ездили на все соревнования юных шахматистов, в экспедиции, и даже к зубному ходили вместе – Сеня боялся боли, и Вадик его морально поддерживал. Валя им завидовала.

Она вышла со станции и пошла по знакомой тропинке в тайгу. Станция была огорожена колючей проволокой по периметру нескольких квадратных километров, чтобы обезопасить ученых от крупных хищников. Мелким такая преграда была не страшна. Валя иногда выбиралась и за преде-

лы ограждения, но уходить далеко боялась – а вдруг встретишь медведя? Впрочем, сейчас она об этом не думала, когда выходила из скрипучей калитки в глухую тайгу. Ей было все равно, если ее задерет хищник. Зачем жить, если твой любимый профессор забыл о тебе и увлекся какой-то профурсеткой? Если тот, кем она неизменно восхищалась, предал свои идеалы и слушает по ночам джаз? А что дальше? Предательство родины?

Вернувшись на станцию после обеда, Валя несла несколько живых, но уже полупридушенных сетью зябликов. Это были упрямые птицы, они рвались на волю даже ценой собственной жизни. Среди ученых даже ходила дурная шутка, что зяблики – это диссиденты среди птиц, ведь они рвутся перелететь через океан и зимовать в Неваде. Валя их за это не уважала. Ей было совершенно непонятно, что гонит этих птиц в какую-то выжженную солнцем пустыню на краю света, когда в Советском Союзе есть такие прекрасные и теплые края как Киргизия или Туркмения? Там ведь тоже жарко и засушливо. Она понимала, что объяснить это зябликам нельзя, да и вообще эти мысли глупые и недостойные ученого, но ничего не могла с собой поделать. Ей казалось, что перелетные птицы, зимующие в капстранах, немножко предатели, и потому она даже диплом писала по тем видам, что остаются зимовать в тайге. Вот это настоящие советские птицы, считала Валя, они не боятся холода, голода и трудностей, и о них надо писать не только дипломные работы, но и научно-по-

пулярные статьи, чтобы граждане тоже проникались к ним уважением.

В лаборатории профессор Доценко уже приступил к кольцеванию, он бросил на Валию недовольный взгляд и продолжил молча устанавливать кольцо на лапку верещащего от страха зяблика. Пассатижи хрустнули, птица жалобно пискнула, перекушенное кольцо упало на пол.

– Ешки-матрешки! – воскликнул профессор, вытирая окровавленную руку о камуфляжные штаны. – Возьми из моего домика чемодан с инструментами. Я забыл его, и теперь мучаюсь тут с этой дрянью. Кто вообще собирал оборудование в экспедицию?!

– Я, – тихо сказала Валя, грустно глядя на трепещущего на столе зяблика с поврежденной ножкой.

– Оно и видно. Черти что для работы взяли! – возмутился Доценко, пошарил в кармане, нашел ключ и бросил его Вале. – У двери стоит чемодан. Принеси сюда.

Она поймала ключи, развернулась и, глотая слезы, пошла в домик профессора. Уже второй день ей казалось, что она спит и видит дурной сон. Но все эти мысли улетучились, когда, зайдя в дом, она включила свет и огляделась. Обстановка хранила следы вчерашней вечеринки: на столе – недопитая бутылка армянского коньяка, открытая коробка конфет «Птичье молоко», кровать не заправлена. Именно это обстоятельство особенно остро ее задело. Неужели здесь вчера что-то было между Доценко и этой ужасной Инессой? Но

ведь тут был еще профессор Гершензон! Как это возможно?

Валя решила проверить кровать. Под подушкой она обнаружила нечто, что надолго заставило ее застыть на месте. Там лежал черный кружевной лифчик с поролоновыми вставками! И он явно не был пошит на советской фабрике. Такую пошлость в нашей стране не выпускают. Валя приподняла двумя пальцами находку и понюхала. От лифчика пахло духами, явно иностранными. Советские духи Валя бы узнала! Это была точно не бабушкина «Красная Москва» и не мамины «Быть может», которые она бы сразу почуяла, – ну и все остальное, что продавали в галантерейных магазинах, этот запах точно не напоминал. Это был запах порока и разврата – сладкий, душный, с нотками какой-то животной похоти. Наверное, там был мускус. Валя как зоолог его уже нюхала, и ей он никогда не нравился.

Итак, здесь вчера творился разврат! Это было ясно как день. Но как это могло быть правдой? Неужели они втроем этим занимались? Это ведь невозможно! Так никто не делает. Люди занимаются «этим» только наедине и в темноте, а свет тут вчера горел. Если только профессор Гершензон задремал, и эти двое его погасили... А, может, задремал профессор Доценко, а ленинградцы просто не смогли удержать в узде свои низменные страсти? Валу на секунду утешила эта мысль, а потом она подумала, что вообще все могла неправильно понять. Доценко здесь жил всего пару дней, и, возможно, этот лифчик лежал тут еще раньше. А профессор по

своей ученой рассеянности мог его не заметить. Валя лихорадочно продумывала в уме варианты развития событий, пока не поняла, что все еще держит в руке лифчик и что он слишком тяжелый. Даже для поролонового.

Она внимательно его рассмотрела и вдруг обнаружила тонкий проводок, ведущий вглубь этого кружевного безобразия. Прослушка! Не может быть! Зачем кому-то прослушивать профессора-зоолога?! Хотя, мало ли, что придет в голову этим шпионам? Может, они воруют их открытия в области зоологии и выдают за свои? Кто их знает, чем они в этих капстранах занимаются? И тогда логично, что лифчик лежит тут под подушкой не первый день, и, возможно, шпион подслушал вчерашние разговоры Доценко с гостями из Ленинграда. Да и мало ли что он мог подслушать! Вернее, она.

Оставлять эту находку в доме профессора было опасно. Валя, превозмогая брезгливость, свернула лифчик и запихала его в карман своей куртки. Улику надо надежно припрятать. И самостоятельно докопаться до правды. Доценко она говорить о находке не хотела. Во-первых, потому что после вчерашнего не могла с ним спокойно разговаривать. Во-вторых, потому что хотела сначала разобраться в происходящем. Вываливать на Артемия Михайловича свои подозрения без доказательств глупо, он может неправильно ее понять, а еще – разволноваться. У него слабое сердце, его надо беречь.

Она уже почти вышла из домика профессора, когда вспомнила, что ее послали сюда за пассатигами. Обнаружив ящик, она взяла инструменты, закрыла дверь на ключ и отправилась в лабораторию. Проходя мимо бани, Валя огляделась, достала свою находку и спрятала ее среди дров, на самом дне, чтобы до нее не добрались. Здесь у шпиона не будет возможности записать какой-то важный разговор.

Вернувшись в лабораторию, Валя застала профессора недовольным: ее слишком долго не было. Правда, его настроение быстро изменилось, когда Доценко увидел Инессу. Она пришла без профессора Гершензона и улыбалась так лущезарно, что Валу чуть не стошнило.

– Иди в тайгу, Образцова, – бросил ей Доценко. – Толку от тебя тут немного. А мы с Инессой...

– Рудольфовной, – подсказала та.

– ...С Инессой Рудольфовной пару опытов вместе поставим, – продолжал Артемий Михайлович, глядя на ту, как кролик на удава. Валя выбежала из лаборатории и едва снова не отправилась за ружьем. Но потом подумала, что у этой противной Инессы грудь совсем маленькая. Ее, считай, нет совсем. А тот черный лифчик был довольно большим в чашках. Не таким, как если бы предназначался для Вали, – ее грудь была действительно большой. Но и эта худая, как цапля, профурсетка в нем бы утонула. Словом, нельзя было рубить с плеча и обвинять профессора в том, что он с этой Инессой чем-то занимался. Надо было проверить и удосто-

вериться.

Она побежала к бане и нашла свою спрятанную находку. Развернув, она поняла, что не ошиблась. Размер другой. Значит, шпионом была не Инесса, или не только она. Валю обуял ужас – оказывается, в этом тихом уголке советской науки прячется как минимум один шпион, и, возможно, у него есть сообщники. Что же это получается, враг совсем близко?! Возможно, на расстоянии вытянутой руки! А что, если ее соседки по комнате? Они обе такие противные и явно не верят в идеалы коммунизма так, как верит в них Валя. А значит, их легко мог завербовать идейный враг!

Единственный способ проверить свои подозрения – это опознать шпиона по груди! Валя внимательно всматривалась в лифчик, укладывала туда руки, чтобы прикинуть объем. На себя это мерить она не стала бы. К счастью, сегодня в бане как раз был девичий день, и можно было увидеть там большинство обитательниц станции без белья. Такую возможность нельзя упускать!

Она еще раз рассмотрела лифчик и вернула на место между поленьями. Предстояло опять идти в тайгу, и, хоть Валя любила там бывать, сейчас ей было тошно туда отправляться, когда Доценко в таком святом месте как научная лаборатория кокетничает с этой девицей. Бабушка бы на это сказала, что та его приворожила. Валя была комсомолкой и в приворот не верила, но объяснить поведение любимого профессора можно было только вмешательством тайных сил. Пото-

му что поверить в то, что Доценко и правда нравится эта худая, бледная Инесса с выбеленными волосами и накрашенным лицом, было очень сложно. Он ведь всегда ценил естественность – трудовой загар, крестьянскую дородность и румянец во всю щеку, как у колхозниц с агитплакатов. У Валя все это было. К тому же ей было двадцать два года, а этой Инессе не меньше двадцати пяти! Может, поэтому она в него так вцепилась – пытается выйти замуж, пока не поздно. Правда, с таким поведением ее не то что замуж, на работу брать не должны.

Валя думала обо всем этом, идя по еле заметной тропке вглубь тайги. Тут ей в нос ударил запах разложения. Она искала источник запаха, но не нашла. Тогда она сошла с тропинки, стала шарить по кустам и чуть не упала в яму. Над ней летал рой мух. Ее чуть не стошнило от вони. Валя заглянула внутрь и увидела груды мертвых зябликов. Словно кто-то их нарочно убил и выбросил тут. Но ведь утилизировать мертвых птиц надо совсем по-другому! Инструкция же есть. Неужели ее студенты поленились донести птиц до станции? И почему их так много?

Превозмогая дурноту, Валя наклонилась и попыталась разглядеть мертвых птиц поближе. В глаза ей бросилось то, что на их лапах были странные кольца – явно не такие, какими кольцевали на их научной станции. Валя достала одну из мертвых птиц и срезала кольцо. Оно оказалось массивным и совсем не похожим на те, что ставили на их станции.

Советские ученые использовали легкий сплав латуни, который не причинял птицам вреда, а тут кольцо весило грамм двадцать, что для хрупкого зяблика равнялось пудовой гире. Неудивительно, что их тут так много погибло.

Валя еще раз внимательно рассмотрела кольцо, там не было никаких букв или прочих меток, и это было вдвойне странно. Она оторвала прут и пошевелила гору птичьих трупов, оттуда вырвалась еще одна стая мух, зашевелились черви. Валю опять чуть не стошнило, но она все-таки нашла несколько птиц с кольцами ее института, а на некоторых были и те, и другие метки. И это было особенно странно. Хотя, если подумать, этих птиц могли ловить не только на этой станции, но и на какой-то другой. Их ведь немало по всей Сибири и Дальнему Востоку. Валя срезала несколько колец с трупов зябликов и положила в карман. Потом она повязала над ямой белый носовой платок как опознавательный знак. С этой трупной ямой нужно было разобраться! Не дело устраивать такое безобразие так близко от научной станции. Иначе чем советские ученые отличаются от первобытных людей, стойбища которых находят по костям животных?

Сомнения

К вечеру Валя вернулась на станцию совершенно без сил. Она лишь занесла пойманных птиц в отстойник, а потом сразу пошла к себе. К счастью, соседок не было на месте, наверное, уже в баню ушли. Валя вспомнила о том, что должна вычислить шпионку в стане советских ученых и студентов, живущих на станции. Взяв полотенце и все необходимое, она поплелась в баню, хотя больше всего ей сейчас хотелось лечь и забыться сном. Слишком много сил было потрачено на переживания последних двух дней, а одиночные скитания по тайге вовсе не развеяли ее мрачное настроение. Одиночество вообще не должно быть спутником комсомольца. Советская молодежь привычна к коллективному труду и отдыху, и Валя была не исключением. Ей сейчас особенно захотелось посидеть у костра с ребятами и попеть хороших туристических песен, но делу время, а потехе час. Вычислить шпионку гораздо важнее личных желаний.

В бане, судя по обуви, было уже человек семь. Она быстро разделась и зашла в парильню. На полатях сидели девушки – Лиза и Таня были здесь, остальных Валя по именам не знала. Она набрала в шайку воды, взяла мочало и начала его намывать, зорко глядя на окружающих. В банных парах очертания терялись, и оценить размер груди девушек было очень сложно. Тогда Валя стала подходить к каждой из них

ближе и рассматривать внимательнее.

– Образцова, ты меня что ли своей мочалкой собралась мылить? – насмешливо спросила Лиза, худая высокая девица с совсем маленькой грудью. Валя отвернулась от нее и не ответила, тут же упираясь взглядом в грудь Тани – толстой и хамоватой девицы. Вот ее бы размер, наверное, подошел под тот черный лифчик, думала она, внимательно ее разглядывая.

– Эй, да ты, оказывается, из другого профсоюза, – заржала Лиза и ткнула Таню под бок, та тоже ухмыльнулась.

– У нас с вами один профсоюз – аспирантов и студентов, – возразила Валя. Она была сбита с толку таким странным, неуместным замечанием.

– Да? А мне кажется, что у вас на кафедре слишком много тех, кто за другой профсоюз выступает. Эти двое вон друг от друга не отлипают ни днем, ни ночью, теперь еще одна на сиськи чужие пялится, – продолжала насмехаться Лиза, хотя ничего в ее словах не было смешного. Валя вообще ничего не поняла и отошла в сторону. Девчонки с других факультетов уже выходили в душевую, и ей удалось лишь вскользь их осмотреть. Оказалось, что опознание по груди – дело довольно трудное и по факту провальное. Ведь пока лифчик на девушку не наденешь, не узнаешь, впору ли он. Валя и сама это по опыту знала, ей часто приходилось перешивать купленные в магазине лифчики.

Она отошла в пустой угол бани, быстро помылась и села

на полатах, чтобы немного отдохнуть. В бане было не так уж сильно натоплено, Валя была из последних, кто сегодня мылся. В голове у нее роились мрачные мысли, к которым прибавились и размышления о том, что хотела ей сказать Лиза. Очевидно, она на что-то намекала, но на что? Кто от кого не мог отлипнуть? Валя от Доценко? Или Доценко от Инессы? Но та вообще не из их института. И причем тут вообще профсоюзы? Бред какой-то. А что, если эти слова были шифровкой? Что, если Лиза приняла ее за свою и проверяла таким странным паролем. Значит, она точно шпион! И теперь знает, что Валя не из них. Но ведь размер лифчика не совпадает! Впрочем, может, Таня тоже участвует в шпионаже и ее-то грудь как раз в это гипюровое безобразие могла поместиться.

От банного жара, усталости и всех этих мыслей у Вали голова шла кругом. Она заставила себя встать, одеться и пойти к себе в домик. И там она рухнула без сил и уснула, даже на ужин не пошла. И к костру вечернему не вышла, не спела с ребятами «Изгиб гитары желтой». Это было обиднее всего. Ведь совместный досуг с гитарой, идущей по кругу, сближает людей даже больше, чем шахматный кружок.

Наутро Валя поднялась с мыслью, что все-таки надо поговорить с Доценко о странных кольцах и могильнике зябликов. Она вышла из дома и на дверях лаборатории вновь увидела фото зяблика. Постучав, Валя не услышала никакого звука внутри – в лаборатории никого не было.

– Доценко сегодня до обеда, наверное, из дома не выйдет, – услышала она у себя за спиной голос Вадика. Обернувшись, Валя удивленно уставилась на него:

– Почему?

– Потому что он опять с ленинградцами до глубокой ночи заседал, – ответил Вадик, а стоящий у него за спиной Сеня лишь мрачно кивнул.

– А вы откуда знаете? – вскинулась Валя. – Вы почему ночами не спите и в окна чужие заглядываете? Или вас комары за жопу кусают?!

Парни от этих слов покраснели. Она сама не знала, почему так сказала. Но злость от слов Вадика так ударила ей в голову, что она готова была рвать и метать. Значит, опять в доме Доценко творилось непотребство. Ну и как теперь с ним разговаривать о серьезных вещах, если он такое себе позволяет?! Валя закрыла лицо руками от стыда и боли. Вопреки ожиданиям, парни не стали ее вновь утешать, а тихо ушли в тайгу, оставив одну. Как тут не завывать от одиночества и тоски, если ее все предали? Даже тот, кого она любила почти как Владимира Ильича Ленина!

Вернувшись из тайги с мешком, полным птиц, Валя зашла в лабораторию и застала там Доценко одного. Он имел еще более осунувшийся вид, чем вчера. Все-таки не зря на каждом комсомольском собрании комсорг выговаривал студентам за пьянство. Вот был великий ученый, а спустя два дня распития водки у того дрожат руки настолько, что он кольцо

не может нормально на птицу надеть.

– Помоги-ка мне, Образцова, – сухо сказал Доценко вместо приветствия. Та встала рядом с ним за приборным столом и стала ловко окольцовывать зябликов. Раньше этих птиц кольцевал только Артемий Михайлович, он писал по ним научную работу уже который год и раньше никому не доверял это занятие. Но сегодня тремор в руках был слишком сильным, чтобы быстро обработать пойманных за эти дни птиц. Ловко орудуя пассатижами, Валя обратила внимание, что маркировка на кольцах несколько отличается от тех, к которым она привыкла. И потом вспомнила, что и кольца, найденные в трупной яме, тоже были странные – не только утяжеленные, но и стандартные. На них отсутствовали знаки института и были только цифры.

– Артемий Михайлович, а почему тут кольца не такие, как обычно? – задала вопрос Валя. Профессор сделал вид, что ее не слышит. Он вписывал номера колец в ведомость и нервно покусывал карандаш.

– В этом году зябликов стало меньше, я не выполню месячный план окольцовки, – сказал себе под нос Доценко.

– Так почему тут кольца нестандартные? – повторила свой вопрос Валя.

– Делай, что тебе велят. Если нестандартные, значит, так надо, – сухо отозвался Доценко, избегая ее взгляда. – Лучше бы птиц бережнее собирали. Приносите мне одни трупы.

– Так ведь кольца на них кто-то тяжелые вешает! Может

потому они и дохнут.

– Не лезь не в свое дело, Образцова, – отрезал Доценко и пошел за новой партией птиц из отстойника.

– Но, Артемий Михайлович, ведь что-то странное творится с зябликами! Не наши там кольца висят, – не унималась Валя, идя за ним вслед.

– Что ты за чушь несешь, Валя?! – Доценко уставился на нее во все глаза. Она вытащила из кармана куртки срезанные с трупов зябликов кольца и протянула ему. Тот сначала долго рассматривал их на ладони, потом забрал, включил мощную лампу и осмотрел еще раз с лупой. – Где ты их взяла?

– В яме, куда кто-то свалил мертвых зябликов.

– Что?! – глаза Доценко полезли на лоб. – Почему ты мне раньше об этом не рассказала?

Валя не знала, что ответить, но профессор больше не спрашивал. Он накинул свою брезентовую куртку и велел ей показать место в тайге, где она нашла мертвых зябликов. Они шли по тайге молча, Доценко нервно покусывал губы и тер лоб, Валя испуганно на него косилась. Она хотела рассказать профессору все, излить душу и терзавшие ее подозрения насчет гостей из Ленинграда, но не решалась. Слишком не располагающее сейчас было выражение лица Доценко, слишком сурово сдвинуты брови, а глаза, в которых раньше всегда лучилась добрая усмешка, сейчас были холодными и сосредоточенными. Валя не узнавала того, кого любила. А вдруг его уже завербовали? Тогда ему нельзя ничего

рассказывать, решила Валя.

Она шла по знакомой тропинке вниз по склону холма, где была яма с зябликами, ища глазами свой белый платок, привязанный к кривой осине. Но опознавательный знак никак не хотел находиться. Валя растерянно встала, и на нее сзади налетел Доценко.

– Ну и где твоя яма? – нервно спросил он.

– Не знаю. Тут где-то была.

– Образцова, у меня план горит, а я тут с тобой по тайге шатаюсь как дурак! – взвился Доценко. – Может, ты выдумала все?!

– Зачем вы так со мной, Артемий Михайлович? – вскрикнула Валя. – Что с вами происходит вообще? Почему вы с приходом этих ужасных людей так переменялись ко мне?! Что я такого сделала, чтобы вы меня разлюбили?!

Слова неудержимо рвались из нее, она уже не скрывала своих чувств, на глазах выступили слезы.

– Валя, прекрати! – вдруг смущенно произнес Доценко и отвернулся. – Давай лучше яму твою искать.

– Она тут была. Я еще платок белый на осину повязала, – сквозь слезы сказала Валя. Она пробралась через валежник к кривой осине, но под ней не оказалось ямы, лишь гора прошлогодней листвы.

– Может, ты место перепутала? – спросил Доценко.

– Да нет, не должно быть. Хотя... – Валя начала сомневаться и оглядывалась по сторонам. Она уже ни в чем не бы-

ла уверена. Они принялись бродить по склону, Доценко все больше терял терпение, начал накрапывать дождь, и тогда он скомандовал возвращаться на базу.

– Артемий Михайлович, я вас не обманываю! Там и вправду было полно дохлых зябликов с этими странными кольцами, – торопливо говорила Валя, идя за профессором и пряча голову в капюшон от хлеставшего в лицо ветра и дождя.

– Ни с кем больше об этом не разговаривай, Валя, – Доценко обернулся и пронзительно на нее посмотрел. – Ты сама не понимаешь, во что ввязываешься.

– Да все я понимаю! У нас на базе шпионы! – выкрикнула та.

– Замолчи! – Доценко накрыл ее рот своей ладонью и оглянулся по сторонам, словно в тайге их кто-то мог подслушать. – Не лезь в это дело, Образцова. И не говори то, о чем не имеешь и понятия. Иначе тут же отправишься обратно в город.

– Вы не можете меня отправить! Я же в институте работаю! – возразила Валя.

– Сегодня работаешь, а завтра – нет, – сурово сказал Доценко. – Молчи обо всем. И не лезь не в свое дело. Если что заметишь, мне говори.

– Так молчать или говорить? – воскликнула Валя. Но профессор ее не слушал, а все прибавлял шаг. Она едва за ним

поспевала, ноги в резиновых сапогах оскальзывались на мокрой от дождя земле, по щекам катились слезы, которых никто бы сейчас не заметил. Они вернулись на станцию, кругом никого не было, все попрятались от проливного дождя или были в тайге, тоже застигнутые внезапным ненастьем. Остаток дня Валя и Артемий Михайлович провели в лаборатории за рутинным кольцеванием зябликов, между ними повисло тяжелое молчание, которое никто из них не хотел нарушать. Валя все думала над его словами, сказанными в тайге, и гадала, завербовали ли его эти ленинградцы или он посвящен в гостайну и потому велел ей молчать.

Пару раз их уединение нарушали Сеня и Вадик, а также другие студенты и аспиранты, посланные на сбор птиц. Они заносили им все новых зябликов, никаких других птиц Доценко сегодня кольцевать не хотел. К вечеру Валя просто валилась с ног от усталости, они работали допоздна, словно профессор ей мстил за что-то и потому заставлял работать дольше всех положенных часов. Его словно кто-то подгонял. Он все заносил данные о кольцевании и настаивал вешать кольца даже совсем слабым птицам, по которым было ясно, что они не выживут после того, как их отпустят.

– План есть план, – только и повторял он. Больше никаких разговоров между ними в этот день не было. Доценко будто избегал встречаться с ней взглядом, а ей смотреть на него было и вовсе невыносимо.

Вернувшись после трудового дня в домик, она моменталь-

но уснула. Ближе к утру ей привиделся профессор Доценко, который опять ходил в одних трусах, а рядом с ним Сеня и Вадик поочередно примеряли черный лифчик с прослушкой, и было ясно, что он больше идет Сене. Валя проснулась в ужасе и подумала, что, может, она заболела? Комсомолке видеть такие странные сны вообще не пристало!

Шпионы

Она поднялась и отправилась в душ, ей нужно было постирать испачканную вчера одежду. В душе опять не было горячей воды, Валя решила посмотреть, есть ли она в бане. Пройдя мимо поленницы, она не удержалась и проверила спрятанный там секрет и похолодела. Лифчик исчез! Перерыв половину дров, она поняла, что искать бессмысленно. Кто-то определенно нашел ее тайник и взял лифчик себе. Она отругала себя за беспечность. Что, если шпион всё это время за ней следил? Голова у Вали пошла кругом. Быстро постирав свои спортивные штаны и белье в бочке с тёплой водой, оставшейся со вчерашнего дня, она вышла на улицу развесить на веревке одежду, и вдруг заметила висящий там же черный лифчик! Тот самый!

Валя потянулась руками к нему, но тут же столкнулась с Инессой.

– Это мое, – с улыбкой сказала та, отстегнула прищепку, сняла с веревки лифчик и висящие рядом кружевные черные трусы, отвернулась и пошла к своему домику. Валя просто обалдела от такого и тупо смотрела ей в след. Значит, эта проклятая Инесса и была той самой шпионкой, оставившей лифчик у Доценко под подушкой. И не только шпионкой, но и гнусной совратительницей. И ведь без всякого стеснения она демонстрирует свое иностранное белье всей базе!

Очевидно, так она пытается сказать местным мужчинам о своей доступности. Заманивает их в сети, а потом вербует для работы в иностранной разведке. Но почему тогда Инессу не удивило, что ее лифчик попал в поленницу? А может, у нее их несколько? Нет, невозможно. Два таких шикарных заграничных лифчика не может себе позволить ни одна советская женщина! Впрочем, она и не советская совсем. И все же, многое не сходится. Спокойствие Инессы в этой ситуации, и, опять же, размер ее груди... Валя была шокирована, сбита с толку!

Растерянная, Валя вернулась в дом, там неохотно просыпались ее соседки. Лиза сидела на кровати и мазала лицо спермацетовым кремом, Таня давила прыщи на носу. Они вели себя так, словно приехали сюда отдыхать. Валя бросила на них укоризненный взгляд, но ничего говорить не стала. У нее и без очередной ссоры с ними хватало неприятностей.

– Образцова, ты тут, говорят, вчера в тайге со своим профессором была? – вяло поинтересовалась Таня. – Вот ведь ходок – ночами с ленинградцами в бане развлекается, а днем и местной фауной не брезгует.

– Да что ты такое говоришь? – возмутилась Валя. – На что вообще намекаешь?

– На то, что эта Инесса твоего профессора поматросит и бросит, а ты хватай его, пока он тепленький. Ты же его третий год обхаживаешь, – ответила Таня, не сводя глаз с мутного зеркала и своей покрасневшей от давки прыщей фи-

зиономии.

Валя задохнулась от возмущения и открыла рот, но ничего не сказала.

– Гершензон эту Инессу еще в мае сюда привозил, – заметила Лиза и встала с кровати. – Она тут знатно порезвилась с зоологами из Новосибирска.

– Ага, – подтвердила Таня. – В недостроенную баню то и дело бегала то с одним, то с другим.

– А что же профессор Гершензон? – хрипло спросила Валя.

– А что Гершензон? Он же ее с собой не зря возит. С такой Инессой тебе на любой научной станции и в любом НИИ рады. А ты знай себе сведения собирай для очередной научной статьи, – усмехнулась Таня, отложила зеркало и стала одеваться. – У него каждый месяц публикации выходят в «Науке и жизни», не считая всякой РАНовской периодики.

– А его жена на это спокойно смотрит? – возмущенно спросила Валя, а сама подумала, что главой шпионской ячейки наверняка является как раз профессор Гершензон, а эта профурсетка нужна ему просто как приманка.

– А что жена? Она живет в его московской квартире на ВДНХ, ей-то какая разница? Пусть хоть и вовсе из экспедиций не возвращается, у нее же пропуск в закрытые магазины есть, доступ к дефициту и путевки в Юрмалу и Крым два раза в год.

– Это ужасно, – просипела Валя и села на кровать, тупо

глядя на висящий напротив нее календарь. Там на картинке был изображен олень с ветвистыми рогами.

– Ужасно – ничего из этого не иметь, – авторитетно заявила Лиза, следя за ее взглядом. – И как этот марал носиться по тайге и зябликов собирать. А жить при этом с мамой в однушке.

– У нас двухкомнатная квартира! – взвилась Валя.

– Да я не про тебя, – отмахнулась Лиза, – а про Доценко твоего. Давно бы всем обзавелся и выше завкафедры поднялся, но только не для кого. Семьи же нет. А будь у него жена...

– Да это не твое дело! – закричала Валя и сжала кулаки. – Он ради советской науки живет, а все эти дефициты ему ни к чему!

Лиза и Таня переглянулись и ехидно захихикали. Валя от возмущения забыла, что ей надо спешить в лабораторию.

– То-то, я гляжу, Доценко дефицит не нужен. Только почему-то он третий день пьет рижский бальзам и Бехеровку с этими двумя. А вчера я из-под маслин видела банку пустую у его дома. Про шпроты и икру вообще молчу. И на Инесу эту, в иностранные шмотки одетую, он почему-то засматривается. А тебя, такую всю прекрасную, забыл, – заметила Лиза.

– Да потому что ему не дает никто, – усмехнулась Таня. – Будь кое-кто порасторопнее, Доценко бы на кости не кидался. Когда рядом такие сиськи есть...

Девчонки снова заржали, а Валя выбежала из домика. Теперь она точно знала, что при первой же встрече подаст сигнал комсору об аморальном поведении этих девиц. Да и про Инессу с Гершензоном обязательно надо парторгу сообщить.

На дверях лаборатории опять была фотография зяблика. Валу это не удивило. План есть план. Хотя еще вчера ребята обошли все самые дальние ловушки, и потому вряд ли сегодня кто-то из них сможет принести нужное Доценко количество зябликов. Увидев Сеню и Вадика, готовящих мешки для птиц на крыльце лаборатории, Валя спросила:

– Вы комсорга не видели?

– Он в город вчера уехал. А тебе он зачем? – поинтересовался Вадик.

– Сигнал хочу подать.

– О ком? – осторожно поинтересовался он. Сеня рядом нервно поежился.

– Не твое дело. В тайгу идите зябликов собирать, – отрезала Валя и дернула на себя дверь лаборатории. Внутри уже был профессор Доценко. Он нервно шарил по ящикам письменного стола.

– Валя, а ты кольца вчера не брала свои?

– Какие кольца? – удивилась та.

– Которые ты мне показала, – Доценко поднял на нее растерянный взгляд. – Я их в ящик положил, а сейчас их там нет.

– Нет, конечно, не брала, – испуганно ответила Валя. – Их

украли? Значит, тут и правда шпионы... на станции...

– Не говори ерунды! – выкрикнул Доценко, но было видно, что он тоже напуган. – Сама же поди и взяла!

– Не брала я!

– Иди в тайгу, Образцова, и чтобы нашла эту яму с зябликами и кольца те принесла. Я уже в город позвонил. Сюда могут приехать... а мне и показать нечего.

– Кто может приехать? – тихо спросила Валя, у нее горло сдавило от волнения.

– Неважно. Иди и ищи эту яму и кольца. Иначе мне...

– Доценко прикрыл глаза рукой и отвернулся.

– Артемий Михайлович, ну, что с вами... – начала было Валя и хотела его обнять, но он выставил руку и замахал на нее.

– Уходи, Валя. Просто найди и принеси сюда то, что я прошу. Я бы и сам с тобой пошел. Но боюсь отлучаться на случай... визита.

И, чтобы не продолжать этот разговор, Доценко порывисто вышел – отправился в отстойник за партией птиц для кольцевания.

Валя в растерянности вышла следом. Она побрела в тайгу, пытаясь сообразить, что же происходит с профессором, зябликами и ей самой. Очевидно, Доценко что-то скрывает. Но что? Гостайну или свое предательство Родины? Может, Валя сейчас помогает шпиону или диверсанту? Как тут разберешь? Сердцем она верила в то, что Артемий Михайлович

советский человек, преданный науке и партии. Но вот как быть со всеми этими тайнами? И с тем, что за один день моральный облик профессора упал с недоступных многим высот к банальному бытовому пьянству и распутству? Что это, если не тлетворное влияние Запада?

Валя вернулась к тому холму, где когда-то нашла яму сдохлыми зябликами. Она прошла по нему несколько раз, осмотрела все кривые осины, что встретились по пути. И под одной из них ее нога вдруг ушла глубоко вниз. Валя вскрикнула, отползла и стала раскапывать пожухлую прошлогоднюю листву. Под ней был песок – слишком рыхлый. Стало ясно, что яму кто-то специально закопал и прикрыл для маскировки. Значит, ничего ей не показалось. Значит, они окружены врагами. Что ж, Валя всегда была к этому готова. Бабушка – коммунистка с 1919 года – всегда ее предупреждала, что идейный враг не спит, надо быть всегда начеку и во всех подозревать шпионов. Так оно надежнее.

Валя расплела косу, вынула оттуда красную ленту и привязала к осине так, чтобы с тропинки не было видно. Потом она направилась к ближайшим ловушкам – нельзя возвращаться на станцию с пустыми руками – враг может догадаться, что он раскрыт.

Валя проверила несколько мест, где расставляли сети, но там было пусто. Видимо, Сеня и Вадик уже побывали тут. Больше некому. Валя вспомнила, что комсорг организовал выезд всех мало занятых студентов и аспирантов в город на

демонстрацию по случаю Дня молодежи. С этими странными делами Валя совсем выпала из комсомольской работы. Впрочем, у нее сейчас была гораздо более важная миссия: спасти Родину от врагов, а Артемия Михайловича – от морального разложения.

Валя все дальше углублялась в лес и вдруг услышала тихое невнятное бормотание. Она затаилась. Где-то рядом в густом подлеске кто-то говорил на незнакомом языке. Это было очень странно. Она постаралась незаметно подойти ближе. Стараясь не шуршать листвой, Валя пробралась между старыми соснами и увидела небольшую поляну. Там к ней спиной стояли двое людей в брезентовых дождевиках. Они поднимали руки к небу и бормотали что-то. Это было сродни пению. Или молитве. Валя бы даже не воспроизвела ни одного слова. Это было настолько странно и пугающе, что она и хотела бы убежать, но как замороженная замерла на месте, смотрела и слушала. Люди на поляне вскоре прекратили свое занятие, подняли с земли лопату и пошли в сторону Вали. Та, ни жива ни мертва, сжалась в комок и накрылась своей темно-зеленой походной курткой. Ей было очень страшно попасться на глаза этим людям. Проходя мимо нее, они тихо переговаривались между собой.

– Импортные колготки порвала.

– А кто тебе велел в тайгу в них выходить?

– Ну так ведь красивее.

– Ему дела нет до твоей красоты. По слухам, он вообще

слепой.

Дальше Валя не расслышала, зато теперь уже не сомневалась в том, что люди, приехавшие из Ленинграда, шпионы. Дождавшись, когда те уйдут далеко, она вышла из своего укрытия и подошла туда, где они недавно стояли. Там была низкая насыпь – они тут явно что-то прятали. И хорошо, если зябликов, а не что-то смертоносное! А вдруг они здесь кого-то убили, расчленили и закопали? Говорят, в Ленинграде такое бывает. Вале было страшно, но она вспомнила свою любимую комсомольскую песню и тихонько запела себе под нос, чтобы приободриться:

*– С неба милости не жди,
Жизнь для правды не щади!
Нам, ребята, в этой жизни
Только с правдой по пути!
И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!*

Валя пела и раскапывала яму. Комья суглинка разлетались в стороны, а она докапывалась до правды. Потому что так поют Лев Лещенко и Иосиф Кобзон. А народные артисты на нашем телевидении плохие песни петь не станут.

Прокопав больше метра, Валя устала, разогнулась и вышла из ямы. Пока ей там ничего, кроме шишек и грязи, не попало. Но, очевидно, эти «ленинградцы» не зря тут что-

то прикопали. Да еще молились над этой кучей. Вот ведь как получается: разврат ходит об руку с религией. Недаром в каждом вузе страны преподают научный атеизм, он от обеих этих зараз спасает. У Вали были по этому предмету всегда только высшие баллы.

Уйдя вниз на метр, она, наконец, достигла цели – груды мертвых зябликов с теми самыми кольцами. Какие все-таки империалисты бесчеловечные – столько советских птиц извести ради своих вредоносных целей. А ведь эти зяблики могли свить гнезда на родной сибирской земле, отложить яйца, из которых вылупились бы птенцы, которым, возможно, и не захотелось лететь ни в какую Америку. У Вали уже давно зрел план научного эксперимента по «перевоспитанию» перелетных птиц. Ведь наука не стоит на месте, и, возможно, именно она, Валентина Петровна Образцова, будет той, кто выведет вид зимующих зябликов. Они научатся справляться с трудностями, как те, кто в стужу и жару прокладывал БАМ и Беломорканал. Валя даже придумала для них название – *Fringilla Soveticus*.

Оставив эти мечты, она срезала несколько «вражеских» колец и закопала яму обратно. Надежно спрятав свой трофей в лифчик – туда, куда мама всегда учила ее прятать деньги в дальней дороге, чтобы не украли. Солнце уже клонилось к горизонту, надо было спешить – профессор Доценко, наверняка, сходит с ума от беспокойства. Валя двинулась в сторону станции.

Разоблачение

Обойдя несколько ловушек, не особенно надеясь на успех, она нашла нечто гораздо более ценное, чем птицы. В сухой траве возле наполовину утонувшей в ручье сети лежал флакон духов «Ландыш серебристый»! Валя чуть не закричала от радости! Эта находка была добрым знаком, пусть даже комсомолки и не должны верить в такие вещи. И все-таки этот сладкий нежный аромат наполнил ее оптимизмом и верой в то, что победа будет за ней. Она обязательно разоблачит врагов советской власти, проникших в советскую науку явно с недобрыми целями, и выдернет профессора Доценко из пагубной шпионской компании. Вдыхая любимый аромат, Валя преисполнилась уверенностью, что тот, кто может подарить такое девушке, – настоящий советский человек! И, чтобы не утратить эту веру, она щедро нанесла духи себе на шею, запястья и грудь – всюду, куда смогла достать. Находясь в облаке этого прекрасного запаха, она была по-настоящему счастлива. К ней вернулась ее обычная уверенность в себе.

Вдруг ее словно что-то обожгло. Она испуганно сунула руку в лифчик и отдернула. Тяжелое свинцовое кольцо, которое она срезала с мертвой птицы, от соприкосновения с духами зашипело, нагрелось и стало распадаться в труху. Валя выбросила его, распахнула рубашку, подставляя обожженное место прохладному сибирскому ветерку. Все-таки на Ро-

дине даже воздух лечит – и ей быстро стало лучше. К счастью, у нее еще остались два кольца, которые она спрятала глубже, и на них капли «Серебристого ландыша» не попали.

«Какие все-таки ненадежные эти иностранные вещи!» – подумала Валя. Советские кольца даже в серной кислоте не растворялись! Их, наверняка, ученые будущего будут на раскопках находить в нетронутом виде с клеймом «Сделано в СССР».

Недалеко от входа на станцию она встретила Сеню и Вадика.

– Ну, как улов? – спросила она, внимательно рассматривая их лица. А вдруг они тоже враги?

– Да не густо. Всех зябликов как будто кто-то до нас собирает, – заметил Вадик. Сеня, как всегда, только кивнул словам друга.

– Может, и собирает, – заметила Валя и снова посмотрела на парней. Те под ее взглядом как-то занервничали. Сеня вдруг начал что-то судорожно утрамбовывать в карман куртки.

– А это у тебя там что? – строго спросила Валя.

– Ничего, – испуганно сказал тот и спрятался за спину Вадика.

– Что вы там скрываете? – закричала Валя и пошла на них тараном. Те стали синхронно отступать, пока не уперлись в забор научной станции. – Что у тебя там, Тихонов?! Показывай!

От Валиного крика Сеня зажмурился и вынул из кармана смятый черный лифчик. Тот самый. Он повис на его дрожащих от волнения пальцах, ветер покачивал тяжелые поролоновые чашки. Валя несколько мгновений тупо смотрела на это, не в силах ничего сказать.

– Это не то, что ты думаешь, – выдавил Вадик и покраснел. Сеня так и не разжал веки и вжимался в спину друга, как в спасательный круг.

– Нет, это именно то, что я думаю! – выпалила Валя, тыча ему указательным пальцем в грудь. – Вы с Сеней занимаетесь ужасными вещами! Недостойными комсомольца и вообще советского человека!

От этих слов Сеня заскулил. Вадик потупил взор и тяжело вздохнул.

– Но ведь от этого никому нет вреда.

– Что?! От шпионажа и предательства нет вреда?! – закричала Валя и треснула Вадика по щеке.

– Какого шпионажа? – ошарашенно спросил тот, потирая ушибленное место. Сеня сзади на нем просто повис и плакал навзрыд, как девчонка.

– Такого шпионажа. Вражеского! – сказала Валя и подняла с земли упавший из ослабевших Сениных рук лифчик. – Зачем вы с собой носите шпионскую прослушку?! Кому вы передаете сведения о научных достижениях советской зоологии? Признавайтесь!

– Валя... да мы ничего такого... – растерянно сказал Ва-

дик. – Как ты могла подумать? Мы бы Родину никогда не предали!

– А зачем вы тогда прослушку с собой таскаете? – строго спросила Валя.

– Какую прослушку?

Валя вместо ответа стала разрывать кружевную обертку шпионского устройства и обнаружила внутри поролон, подоткнутый под внутреннюю подкладку слой ваты и две толстые проволоки.

– Это, по-твоему, что?! – выпалила Валя.

– Косточки, – еле слышно прошелестел Сеня.

– Что?!

– Ну, косточки, на них он держится... форму там придаст, – краснея, объяснил Вадик.

– А ты откуда такие вещи знаешь? Зубы заговариваешь! – не поверила Валя. – Это вражеская прослушка! Не бывает в лифчиках никаких косточек! Я это тебе ответственно заявляю! По крайней мере, в советских лифчиках точно.

– Ну так это и не советский... был, – грустно сказал Сеня, глядя на распотрошенный предмет дамского гардероба.

– Вот именно! Американский! С прослушкой! А ты, Тихонов, его в кармане носишь. Зачем? Отвечай!

– Он красивый... был, – так же еле слышно ответил тот, потупив взор.

– Валя, нет там никакой прослушки. Мы же радиолюбители, мы бы ее обнаружили, – сказал Вадик, взяв себя в руки.

Он выхватил лифчик и начал демонстративно в нем рыться. – Смотри сама – нет там никакого устройства записывающего.

– Может, ты его спрятал! – выпалила Валя, копаясь в истерзанном лифчике, выбрасывая на землю куски поролона и ваты. Сеня, глядя на это, совсем скис и тихо всхлипывал.

– Тебе просто показалось. Не было там ничего. И потом, зачем бы шпиону его в поленницу прятать? Его бы тогда в лаборатории оставили или в административке, – заявил Вадик.

– В поленнице его я спрятала! – сказала Валя, оставив лифчик в покое и с недоверием глядя на парней. – А вы его зачем оттуда достали и таскали в кармане?

– Да ну... просто любопытно стало, – тихо сказал Вадик, ковыряя носком ботинка сухую прошлогоднюю листву. – Мы же такого не видели никогда. Думали, ничье.

– Ничье! – возмутилась Валя. – Ты думаешь, ТАКОЕ может быть ничьим?! В СССР?! Ты вообще ничего не понимаешь? Наша страна окружена идейными врагами. Они того и ждут, чтобы завербовать такого как ты! Или ты!

Валя ткнула в понуро молчавшего Сеню, и тот всхлипнул.

– Вы что, на уроки политинформации не ходите? На комсомольские собрания? Песни не слушаете? Как там?.. «Видишь, веют над страной вихри яростных атак»? – Валя пропела слова своей любимой песни и сверлила глазами парней. Те отводили взгляды. – Вы чем вообще в тайге занимаетесь

целыми днями?! Как вам вообще не стыдно?! А еще комсомольцы! Я все про вас комсоргу доложу.

– Не надо! – взвыл Сеня и закрыл лицо руками.

– Мы исправимся, Валя. И эту дрянь выкинем.

– Не надо выкидывать! Это улика, – серьезно сказала та, отобрала у него лифчик и запихала себе в карман. – Идите на станцию и никому про это все не рассказывайте.

– Да там и некому рассказывать. Все ж на День молодежи поехали, – Вадик пожал плечами. – А нас оставили, потому что Доценко надо план по зябликам закрывать. Ну и ленинградцы тоже остались...

– Держитесь от них подальше! – Валя погрозила ему кулаком. – И ни слова им. Ясно? А не то мигом расскажу, как вы за иностранный ширпотреб Родину продали!

Парни закивали и быстро пошли к воротам научной станции. Валя шла за ними следом как надзиратель. «До чего молодежь пошла несознательная! – думала она, сжимая в кармане заветный флакон духов «Ландыш серебристый». – Если завтра война, кто будет защищать Родину? Вот эти оболтусы? Да они врага от своего отличить не смогут. Все-таки мало у нас разъяснительной работы в институте ведется. Надо с сентября начать этим самой заниматься».

На станции было необычно тихо – народу совсем не было. Валя направилась сразу в лабораторию и в дверях столкнулась с Инессой.

– Ого, кто-то пошел в ва-банк, – с ухмылкой сказала де-

вица и пропустила Валу вперед. Та даже как будто не слышала ее слов, потому что больше всего ей хотелось не выдать своего знания о ее шпионстве, проскользнуть в лабораторию и остаться там наедине с профессором, закрыться изнутри. Словно это слабое препятствие способно защитить их от врагов. Она прошла внутрь, увидела сидящего за столом профессора Доценко. К счастью, он был один. Валя повернула ключ в замке, чтобы их никто не беспокоил. Артемий Михайлович поднял на нее голову, его взгляд казался затравленным.

– Что с вами? – испуганно спросила Валя. Тот лишь покачал головой и закрыл лицо руками. – Я нашла кольца... и зябликов дохлых нашла! И шпионов вычислила.

Но Доценко словно не слышал ее. Тогда она приблизилась к нему и обняла. Тот упал ей лицом в грудь и крепко к себе прижал. И Валя только что заметила, что ее рубашка расстегнута и из-под нее видно лифчик. Она залилась краской стыда, попыталась отпрянуть, но Артемий Михайлович крепко держал ее в своих объятиях, уткнувшись носом между грудей. Он вдыхал запах духов «Ландыш серебристый» и словно оживал, становился тем самым профессором, которого она когда-то полюбила. Валя буквально чувствовала это чудесное перевоплощение! Доценко продолжал сжимать ее в своих объятиях, когда поднял на нее глаза и сказал:

– Валуша, ты меня спасла! А то я думаю – приедут, а мне и доложить не о чем... и показать... Я ведь план по зябли-

кам не выполнил. Меня за это могут в лагерь посадить! А если мы врагов нашли – то значит, шито-крыто, – бормотал Доценко, лежа на Валиной груди.

– Артемий Михайлович, так ведь ваши ленинградцы и есть шпионы! Они зябликов хоронят и над ними молятся! – выпалила Валя.

Тот встрепенулся и уставился на нее.

– Что за чушь ты говоришь?! Я с Гершензоном МГУ заканчивал! Он бы никогда.

– Я сама все видела! – уверенно сказала Валя. – И в таких делах надо равняться на Павлика Морозова. Никто нам не брат, если против СССР!

– Да... ты права, конечно, – суетливо выпалил Доценко и поднялся на ноги. – Давай сюда кольца.

– Не дам! А то вы опять их потеряете! – выпалила Валя, а потом авторитетно добавила: – Вам собраться надо и позвонить куда следует. Чтобы прям сейчас приехали сюда. А то ведь сбегут!

– А ты уверена, Валя? Может, ошибка? – неуверенно спросил Доценко.

– Уверена, как в том, что СССР вечен, а Ленин жив! – твердо сказала та. – Они наших зябликов умерщвляют и кольца на них странные вешают. Или вообще эти птицы к нам из США с ними прилетают. А они их тут закапывают – прячут улики. Да еще и молятся над ними. словно жертву духу капитализма приносят.

Доценко смотрел на нее во все глаза, не веря в услышанное.

– Идемте на пункт связи! Подадим сигнал! – Валя взяла его за руку и повела за собой. Все-таки в самые ответственные моменты нельзя ждать инициативы от других, важно проявить ее самому. Доценко как замороженный шел за ней и бормотал что-то про план и лагерь.

На полпути он остановился и тихо спросил:

– А Инесса тоже?

– Да. Она соблазняет советских ученых, чтобы они ей секреты выдавали, – сурово сказала Валя и посмотрела ему в глаза. Там она увидела вину и сожаление. – Вы ей что-нибудь рассказывали?

– Про проект «Зяблик» ничего, – испуганно выпалил Доценко. – Или почти ничего...

– Какой проект? – Валя сузила глаза и подозрительно на него уставилась.

– Сверхсекретный, – просипел Артемий Михайлович и обернулся по сторонам. – Инесса интересовалась зябликами. Сказала, что по ним диссертацию пишет.

– Президенту она американскому пишет! – рассерженно выпалила Валя. – Как вы вообще могли так попасться?! Довериться такой женщине?!

Доценко вновь упал Вале на грудь и едва ли не зарыдал. Она чувствовала его теплое дыхание и почему-то сразу его простила. Вот что бывает, когда человек до сорока не жена-

тым ходит. Попадает в сети всяким профурсеткам, как зяблик в силки. Но Валя его спасет из этих сетей. И, кому надо, все объяснит. Пусть эти шпионы в лагеря попадают, а Артемий Михайлович максимум лишится премии. Потому что он великий ученый и просто оступился!

Они зашли в пункт связи, Доценко трясущимися руками пытался отправить сигнал, связаться с городом, но тщетно. Рация издавала только треск и какие-то странные протяжные звуки. Смутно знакомые.

– Пх’нглуи мглв’нафх Ктулху Р’льех вгах’нагл фхтагн, – раздавалось из репродуктора.

– Они здесь побывали! – сокрушенно сказала Валя. – Эти самые молитвы они читали над зябликами! Наверное, это американский гимн или что-то такое же мерзкое.

Доценко слушал эти ужасные звуки, вытаращив глаза и раскачиваясь из стороны в сторону, как умалишенный. Валя поняла, что эта молитва на него дурно действует. Может, это вообще психотропное оружие? Она схватила его за рукав и потащила из радиорубки. На улице ему сразу стало легче. Доценко смотрел на нее растерянно и хлопал глазами.

– Надо подать сигнал, Артемий Михайлович! У вас дымовая шашка есть?

– Есть, – кивнул тот. Он наконец пришел в себя и схватил ее за руку. – Она у меня в домике. Я побегу туда, а потом на гору заберусь, чтобы сигнал был дальше виден. А ты в лабораторию иди. Закройся и никого не пускай!

– Может, я с вами пойду? – неуверенно спросила Валя.

– Нет, надо секретные документы беречь! – выпалил Доценко. – Я кроме тебя тут никому не доверяю!

– Я тогда ружье возьму! – Валя побежала в сторожку. Михалыча там не было – уехал в город за пенсией, зато ружье было. Валя набрала патронов в карманы, передернула затвор и вышла наружу. Вскоре она встретилась с Доценко, у выхода со станции.

– Валюша, береги документы и сейф! – взволнованно сказал он.

– А что там такого?

– Секретный проект КГБ, – торжественно сказал Доценко и побежал к ближайшей горе. Бегал он как настоящий сибирский олень – быстро и грациозно. Валя направилась к лаборатории, где на пороге встретила Инессу и Гершензона. Они пытались взломать замок. Но не зря советское производство – самое крепкое в мире. Замок не поддавался. Валя направила на них ружье.

– Отойдите отсюда, фашисты! – выпалила она.

– Девушка, да какие мы фашисты? – лучезарно улыбнулся профессор Гершензон. – Мы просто свои документы у Доценко забыли. А нам уезжать. Откройте нам, пожалуйста.

– Не врите. Вы шпионы и враги! – закричала Валя, недрогнувшей рукой сжимая ружейный ствол.

– И с чего ты так решила? – спросила Инесса, глядя на нее с прищуром. Валя скользнула по ней внимательным взгля-

дом. Та была одета вызывающе – черная обтягивающая миниюбка и белая кружевная блузка, из-под которой виднелся черный лифчик. Вот кто под белую одежду черное белье носит? Ну только классовый враг! Валя мстительно заметила на черных капроновых колготках большую затяжку.

– А я вас видела! И слышала, – сказала она. – В тайге. Гершензон и Инесса нервно переглянулись.

– Ну, чужая личная жизнь тебя не касается, – фальшиво засмеялась Инесса.

– Вы зябликов наших советских умерщвляете! И молитесь по-английски! – выпалила Валя и ткнула на них ружьем. Те сделали шаг назад.

– Да это эсперанто! – воскликнул Гершензон. Его лицо как-то странно задергалось и стало еще больше похожим на птичье. Он был прямо как стервятник сейчас, американский гриф. – Мы же на конференцию вот скоро поедем. Ну и доклад репетируем.

– Вам меня не обмануть! Отойдите от лаборатории! – закричала Валя и сделала предупредительный выстрел в воздух. На звуки пальбы из корпуса выбежали Сеня и Вадик. Они вмиг оказались у лаборатории и испуганно смотрели на противостояние Вали и ленинградцев.

– Ребята, смотрите, тут девушка с ума сошла! – воскликнула Инесса и подскочила к парням. Она лучезарно улыбалась и обняла их обоих за плечи.

– Да, надо обезвредить девушку, – сказал Гершензон.

– Не верьте им, ребята! – Валя с ненавистью посмотрела на Инессу. Было видно, что та хочет соблазнить Сеню и Вадика, но оба странным образом не поддавались, а шарахались от нее. Значит, они точно наши, советские парни!

– Они шпионы! Это они наших зябликов воровали и в землю закапывали! – выкрикнула Валя. – И лифчик этот ее. Хотела Доценко соблазнить, чтобы в доверие ему влезть, украсть открытия нашей кафедры зоологии!

– Да какие там открытия! – отмахнулся Гершензон. – Если бы не проект «Зяблик», ноги б моей в этой глуши бы не было. Иди сюда, Инесса. Не видишь, что ли, что эти двое на тебя не ведутся? По-другому будем вопрос решать.

Он достал кармана небольшой пистолет и направил на Сеню.

– Дай нам ключ от лаборатории, иначе я его убью!

Вадик тут же прикрыл друга собой, как сделал бы любой настоящий советский человек. Валя нервно сглотнула, но не колебалась ни минуты.

– Мы, комсомольцы, не жалеем своей жизни и рады умереть за Родину! – четко сказала она.

– Сумасшедшая! – потрясенно заорал Гершензон и выстрелил. Вадик вскрикнул, Сеня упал без чувств, а проклятый шпион завопил – пистолет дал осечку и сильно обжег ему руку. «Даже оружие сделать нормальное не могут, капиталисты проклятые», – мстительно подумала Валя и выстрелила в воздух еще раз.

– Последнее предупреждение, и буду вести огонь на поражение, – отчеканила она.

Инесса подлетела к Гершензону и что-то зашептала. Тот упал на колени и стонал, баюкая свою раненую руку. Слабак! Как все шпионы и диверсанты!

Чудовище

Валя бросила взгляд на парней. Вадик опомнился, подхватил Сеню с земли, взял на руки и быстро дошел до дверей лаборатории. Теперь Валя стояла и защищала их всех троих. Она чувствовала себя героиней повестей о героических комсомольцах времен гражданской войны. И тут над ближайшей горой взвился столб красного, как советское знамя, дыма.

– Надо звать, Инесса, – слабым голосом произнес Гершензон, глядя на алое, расплзающееся по небу зарево. – Это наша последняя надежда.

Они встали лицом к западу – туда, где уже садилось солнце, и затаили разом:

– Пх'нгули мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн!

Они повторяли эти слова снова и снова. Валя никак не могла понять, что они делают и зачем. Кого они так вызывают? Это пароль? Но кто его тут услышит? Вдруг Вадик, до этого державший Сеню на руках, опустил так и не пришедшего в себя друга на пол и как замороженный пошел на звуки этой ужасной молитвы.

– Вадик! – крикнула Валя. – Вспомни, кто ты! Ты комсомолец. Очнись!

Но парень не реагировал и медленно шел к стоящим посередине станции Гершензону и Инессе. Тогда Валя в отчаянии запела:

*– Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы безвестные ждут.
Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.*

Услышав звуки родной советской песни, Вадик словно очнулся от тяжелого сна и ошалело смотрел по сторонам.

– Подпевай, Вадик! – скомандовала Валя. Но парень только испуганно метнулся обратно к лаборатории, сел на пол и обнял Сеню. Тот начал приходить в себя, и они сидели в обнимку у ног Вали. А та всё пела, чтобы заглушить звуки, которые продолжали издавать ленинградцы. Да и какие они были ленинградцы? Их нельзя было называть словом, в котором было святое слово «Ленин». Шпионы и враги – вот кто они были на самом деле! Будь на месте Вали ее бабушка, она бы их без раздумий пристрелила. Но шпионов надо было сохранить для того, чтобы оправдать Доценко, иначе ему влетит за невыполнение плана по зябликам!

Вскоре тот тоже появился и с неммым ужасом смотрел на происходящее.

– Яша, ты же член партии! Я же у тебя лекции по научному коммунизму списывал! Что же ты творишь?! – сипло крикнул он, но Гершензон не обернулся. Они с Инессой бы-

ли словно в трансе, раскачивались взад-вперед, задрав руки вверх, и бесконечно повторяли свою тарабарщину.

Вдруг стало очень темно, словно солнце выключили, хотя было всего семь вечера. Поднялся ветер, пахнувший не лесной свежестью, а тиной и тухлятиной. Верхушки вековых сосен зашевелились, послышался треск деревьев, и из мрака возникло нечто. Оно было настолько огромное и страшное, что все, кто был на станции, застыли в немом ужасе. Даже Гершензон с Инессой замолчали, упали на колени и подняли руки в приветственном жесте. Стало ясно, что именно это зло они и призывали к себе на помощь. Во мраке чудовище напоминало гигантскую медузу: у него не было глаз, вокруг головы в разные стороны вытягивались длинные щупальца, которыми оно на ощупь искало себе дорогу. В темноте Валя не видела, есть ли у него ноги и как он передвигается. Хотя как зоолог она должна была, прежде всего, проявить научный интерес к этому созданию. Пусть даже его призвали шпионы и оно вышло из какой-то зловонной дыры, подчиняясь их воле. Но сейчас комсомольская песня застряла у нее в горле от страха. Чудовище не спешило, оно накрывало тьмой все вокруг, словно растворялось в окружающем пространстве, отравляя чистый сибирский воздух своими миазмами.

Очнулась Валя только когда на ее плечо легла теплая рука профессора Доценко.

– Это конец, – сипло прошептал он. Сзади них раздался

отчаянный, даже какой-то женский визг Сени, который потонул в объятиях лучшего друга. Вадик оказался более стойким, он прижал Сенью к себе, стараясь придать ему сил и мужества в минуту смертельной опасности.

– Нет, это не конец! – выкрикнула Валя. Ее звонкий голос разрубил страшную тишину, нарушаемую только треском валежника под тяжестью шагов капиталистической заразы, вызванной усилиями шпионов из какой-то гадкой клоаки. Возможно, даже из самого Нью-Йорка – рассадника всех пороков и бед человечества.

– Товарищи, перед лицом страшного врага будем мужественны! – крикнула Валя и выстрелила в выходящего на поляну монстра, но выпущенная в него дробь просто утонула во мраке, не причинив ему никакого вреда. Чудовище было ростом с корабельную сосну, его тело состояло словно из самого мрака и грязи, напоминая черную медузу, щупальца на голове шевелились с каким-то мерзким чавкающим звуком.

Валя тогда отбросила ружье в сторону и пошла на врага. Доценко попытался ее удержать, но она твердо знала, что если и умереть, то только смело идя в атаку на неприятеля. Для храбрости она затянула свою любимую песню, которую пела с самого детства в каждом походе:

– Взвейтесь кострами, синие ночи!

Мы пионеры, дети рабочих.

Близится эра светлых годов.

Клич пионера: «Всегда будь готов!»

Радостным шагом с песней веселой

Мы выступаем за комсомолом.

Близится эра светлых годов.

Клич пионера: «Всегда будь готов!»

Ее песня сейчас была единственным звуком, нарушающим мертвую тишину, которой чудовище словно заволокло все вокруг. Оно и само остановилось, словно прислушиваясь к словам Валиной песни. И она ему не понравилась. Чудовище качало головой, щупальца нервно подрагивали, словно звуки Валиного голоса причиняли ему боль. Поняв это, Валя запела еще громче:

– Грянем мы дружно песнь удалую

За пионеров семью мировую,

Будем примером борьбы и трудов.

Клич пионера: «Всегда будь готов!»

Мы поднимаем красное знамя.

Дети рабочих, смело за нами!

Близится эра светлых годов.

Клич пионера: «Всегда будь готов!»

Ее песню подхватили и те, кто был на крыльце лаборатории. Валя не видела их во тьме, но различала приятный тенор Доценко, скрипучий баритон Вадика и слабый фальцет Сени. Они пели вместе с ней, а чудовище все больше нервничало, дергалось и, казалось, отступало назад в тайгу.

– Что с ним? – испуганно выкрикнула Инесса.

– Не знаю, – так же трусливо ответил Гершензон. – Может,

она девственница?

– И что с этого? – не поняла Инесса, не сводя взгляда с черного монстра, продолжавшего биться в судорогах.

– Ну... вроде как не он их не терпит. Они ему противны.

Валя последние слова не расслышала, но поняла, что у нее есть оружие, способное победить эту заразу. Она вытащила из кармана флакон духов «Ландыш серебристый» – этот запах ей придавал уверенности в себе. Как только она отвинтила крышку, чудовище застонало, а стоило ей лишь чуть брызнуть себе аромат на запястье, оно огласило тайгу отвратительным воем.

– Не любишь, значит, советские духи?! И песни советские не любишь? – закричала Валя. – А ну, ребята, подпевайте!

И она пошла на врага, разбрызгивая впереди себя «Ландыш серебристый» и затягивая свою любимую песню в исполнении Иосифа Кобзона:

– Я в мир удивительный этот пришёл

Отваге и правде учиться.

Единственный друг, дорогой Комсомол,

Ты можешь на нас положиться!

Мы пройдем сквозь шторм и дым,

Станет небо голубым.

Не расстанусь с Комсомолом,

Буду вечно молодым!

Не расстанусь с Комсомолом,

Буду вечно молодым!

*В грядущие дни, как во все времена,
Недобрым метелям кружиться...
Родная моя, дорогая страна,
Ты можешь на нас положиться!*

*Мы пройдем сквозь шторм и дым,
Станет небо голубым.*

*Не расстанусь с Комсомолом,
Буду вечно молодым!*

*Не расстанусь с Комсомолом,
Буду вечно молодым!*

*Заветной весны высота не взята,
И надо с дороги не сбиться...*

*Мечта наша, гордая наша мечта,
Ты можешь на нас положиться!*

*Мы пройдем сквозь шторм и дым,
Станет небо голубым.*

*Не расстанусь с Комсомолом,
Буду вечно молодым!*

*Не расстанусь с Комсомолом,
Буду вечно молодым!*

Ребята и Доценко нестройно подпевали ей, а она шла на врага неумолимо, как советская торпеда. Любимых духов было ужасно жалко, но Валя отринула эти мысли. Ради победы над классовым врагом и жизнью пожертвовать не жаль, не то что духами, которые в каждом галантерей-

ном магазине продаются. Валя наступала, монстр оглушительно визжал, прижимал к себе щупальца, обожженные чистым сибирским воздухом, смешанным с «Ландышем серебристым». Но окончательно его победила песня, которую затянул Артемий Михайлович. Это была его любимая песня, походная, та, что он всегда запевал после тяжелого трудового дня у костра:

*– Всем нашим встречам
Разлуки, увы, суждены.
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом несмелым
Подернулись угли костра.
Вот и окончилось все,
Расставаться пора.
Милая моя,
Солнышко лесное,
Где, в каких краях
Встретишься со мною?
Милая моя,
Солнышко лесное,
Где, в каких краях
Встретишься со мною?*

От звуков этой песни чудовище вдруг как-то забулькало, что-то в недрах его темного брюха заклокотало, а потом оно резко раздулось и послышался оглушительный треск. Валя была достаточно близко к нему, и потому ее оглушило удар-

ной волной, она как подкошенная упала на землю и лишилась чувств.

За мужество

Валя очнулась от резкого запаха нашатыря, и первое, что она увидела, – такое родное и милое бородатое лицо профессора Доценко. В его бороде застряла пара травинок, и Валя нежно вынула их. Артемий Михайлович счастливо улыбнулся:

– Валюша, ты всех нас спасла!

– Нас песня комсомольская спасла, Артемий Михайлович! – уверенно сказала Валя и поднялась. Она лежала на земле посередине станции, вокруг нее были комья какой-то слизи, и сама она была вся в ней.

– Что это?

– Фрагменты этого существа, – ответил Артемий Михайлович, с любопытством изучая кусок щупальца, который он вынул из Валиных волос. – Жаль, что про него нельзя будет написать научную работу. Тут уже товарищи из КГБ приехали. Все засекретят, как водится.

Доценко недовольно крякнул и тайком спрятал кусок щупальца в карман куртки. Валя огляделась – рядом с лабораторией стоял вертолет, по станции ходили люди в костюмах химзащиты и упаковывали черную слизь в специальные контейнеры.

– А где шпионы? – спросила она.

– Увезли уже, – ответил Доценко и нервно сглотнул. – Ва-

ля, ты ведь спасла меня сегодня... в прямом смысле спасла. Не только от этого ужасного моллюска, а от падения... Я ведь, когда понял, что план по зябликам не выполняю, так испугался, что думал: была – не была...

Доценко махнул рукой и отвел взгляд.

– Что «была – не была»? – спросила Валя.

– Ну... с Инессой, – Доценко покраснел и спрятал глаза за руками. – Думал, ну, раз женщина так хочет... и все равно умирать в лагерях... можно себе позволить...

– Артемий Михайлович, вы оступились! – с комом в горле произнесла Валя и взяла его за запястье.

– Нет, Валя, я поддался соблазну... дал слабинку, вел себя не как советский человек, – твердо ответил Доценко, глядя ей в глаза. – Но ты меня спасла, Валя. От разврата, от капиталистической заразы и от невыполнения плана.

– А что это за план такой?

– Ну... ты ведь так и так будешь подписку о неразглашении давать, – задумчиво ответил профессор, поглядывая на людей в костюмах химзащиты. – Словом, зяблики у нас ведь перелетные птицы...

– Ну да. Артемий Михайлович, к чему вы клоните?

– Сибирский зяблик летает на зиму в Неваду. А там рядом военные базы США. Ну мы и вешали на них кольца с маячком. Они радиосигналы их радарам сбивают.

Валя серьезно кивнула. Теперь ей многое стало ясно в поведении Доценко и в интересе к зябликам у шпионов. А еще

она была горда за зябликов, которые послужили такой высокой цели. И этим они частично оправдались в ее глазах за зимовку в капстране.

– А что же шпионы? Они вешали зябликам свои маячки? – спросила Валя.

– А это не нашего ума дело, – серьезно сказал Артемий Михайлович. – Нам главное сейчас доложить обо всем, и пусть ответственные товарищи разбираются.

В этот момент на поляну посередине станции стал приземляться еще один вертолет, стало шумно, Валя закрыла уши руками. Вскоре к ним вышли несколько человек в форме офицеров КГБ. Валя вскочила и встала по стойке смирно. Артемий Михайлович последовал ее примеру, нервно переминаясь с ноги на ногу.

– Товарищи, кто здесь главный? – спросил человек лет сорока в форме полковника КГБ и, не дождавшись ответа, сказал: – Теперь тут я всем командую. Периметр мы оцепим, людям объявим о вспышке сибирской язвы на станции, законсервируем на карантин.

У полковника было довольно невыразительное лицо. Как у идеального разведчика.

– А мы? – испуганно спросил Артемий Михайлович.

– А вы тут останетесь. Поможете нам исследования вести. Совершенно секретные, конечно. Вы все теперь у нас работаете, хотите вы этого или нет.

– Конечно, хотим! – выпалила Валя. – Мы рады служить

Родине на любом фронте!

– Похвально, – полковник осмотрел ее оценивающе. Валя под этим взглядом встала еще прямее, выпятив грудь вперед. – А вы – товарищ Образцова?

– Так точно, – отчеканила Валя.

– Наслышан о вашем мужестве, – полковник протянул ей руку, его рукопожатие было сухим и твердым. Валя чувствовала идущую от него силу правды и осознания важности своей миссии. – Мы вас к ордену представим. За мужество. Но только награда будет засекречена.

– Мне ни к чему слава! – взволнованно сказала Валя. – Главное для меня – это служение Родине.

– Такие люди нам нужны, – одобрительно сказал полковник и перевел взгляд на Доценко. Тот под его взглядом немного занервничал. – Все вы дадите показания. А потом приступите к работе... надо эту диверсию тщательно изучить, сделать выводы...

Полковник окинул взором поляну с разбросанными по ней кусками черной слизи.

– Ну и применить эти технологии на благо страны советов, – заключил он.

– Так ведь... ненадежные, получается, у них технологии, – сказала Валя.

– А вот это уже ваша задача как ученых – сделать ее надежной. По-советски надежной. Чтобы не стыдно было клеймо «Сделано в СССР» поставить! – сурово сказал полков-

ник. – Справитесь?

– Служу Советскому Союзу! – выпалили одновременно Валя и Артемий Михайлович.

– Другого ответа я и не ждал, – коротко сказал полковник и пошел в сторону радиорубки. А Валя и Доценко еще долго не могли прийти в себя от этого разговора и смотрели как замороженные на его чеканную поступь, на людей в костюмах химзащиты, на два вертолета КГБ и на испуганных, но счастливых Сеню и Вадика, сидящих на ступенях лаборатории и передающих друг другу эмалированную кружку с дымящимся чаем из термоса, стоящего у их ног. Была в этой картине какая-то идиллия, не такая, как в буржуазных романах, а настоящая, таежная, советская.

– Валя, – прервал молчание Артемий Михайлович и взял ее за руку. – Ты самая смелая женщина, что я встречал в своей жизни. Да еще теперь «За мужество»...

– Какое замужество? – выпалила Валя, краснея. Доценко тоже покраснел.

– Ну... да... и замужество символично звучит, – забормотал он. – Может, это не спроста? Получила ордер «За мужество» и в тот же день я предлагаю тебе то же самое.

– Орден?

– Замуж за меня пойдешь, Валюша? – спросил Доценко прямо. – Нам теперь от КГБ квартиру дадут. А если мы поженемся, то, может, сразу трехкомнатную.

– И спецпак, наверное, – мечтательно сказала Валя, уже

представляя свою счастливую семейную жизнь.

– Не наверное, а точно! – уверенно сказал Артемий Михайлович.

– Я согласна!

– Вот и молодец! – сказал Доценко и нежно обнял Валу. – Я нам уже кольца сделал, когда ты в тайгу уходила.

– Сами? – удивленно спросила она.

– Сам, – гордо ответил Артемий Михайлович и достал из кармана куртки два латунных кольца. – Из птичьих смастерил. Не все же нам зябликов окольцовывать. Теперь пора и друг друга!

– Ох, Артемий Михайлович! – с восторгом выпалила Вала, разглядывая грубовато скрученные пассатижами и спаянные кольца, где с любовью было сохранено клеймо «Сделано в СССР».

– Какой же я тебе теперь Артемий Михайлович? – с улыбкой спросил тот, и морщинки в уголках его глаз сложились в задорные лучики. – Я теперь для тебя Темочка. Меня так мама в детстве звала.

– Темочка... – словно попробовала на вкус это слово Вала. Оно было сладким и тягучим, как ее любимый ирис «Кис-кис».

– Валуша, – с нежностью сказал Доценко и впервые поцеловал ее в губы. Его борода смешно щекотала Вале щеку. Впереди их ждало светлое будущее.

Конец.

Примечание: в тексте упомянуты следующие тексты по порядку:

(1) «Изгиб гитары желтой». Стихи и музыка Олега Митяева

(2) «И вновь продолжается бой». Стихи Николая Добронравова, музыка Александры Пахмутовой

(3) «В глубине вод под Р'льехом покоится Ктулху, дожидаясь своего часа» – цитата из книги «Зов Ктулху» Говарда Лавкрафта

(4) «Варшавянка». Стихи Вацлава Свенцицкого

(5) Взвейтесь кострами, синие ночи. Стихи Александра Жарова, музыка Сергея Кайда-Дёшкина

(6) «Не расстанусь с комсомолом» Стихи Николая Добронравова, музыка Александры Пахмутовой

(7) «Милая моя» Стихи и музыка Юрия Визбора